

ДЕПРОГРАММИСТ
ПАРАД~~О~~КС ХАССАНА

ПОЛ ЛИ

Депрограммист.

Парадокс Хассана

Пол Ли

Оглавление

Пролог

Глава 1. Поэзия пустых комнат

Глава 2. От освобождённого к освободителю

Глава 3. Любовь, брак, дипломы: как активист оформляет себя в профессионала

Глава 4. Экспертность как бизнес

Глава 5. Связь с российским маньяком

Глава 6. Парадокс Хассана

Источники

Пролог

Вас невозможно похитить, если внутри вас нет пустой комнаты, которую вы отчаянно мечтаете сдать в аренду любому, кто назовет вас избранным.

Нью-Йорк 1974 года задыхался в собственном ритме. В студенческом кафе Куинс-колледжа воздух был настолько густым, что его, казалось, можно было резать ножом для масла. Интеллектуальный гул впивался в уши — здесь спорили о Сартре, проклинали Никсона и оплакивали Вьетнам, превращая личные страхи в громкие политические манифесты. В самом углу, за шатким столиком, заваленным пеплом и крошками, сидел он. Девятнадцатилетний поэт, чья кожа еще помнила дорожную пыль одиночного велопробега через всю страну. Перед ним лежал Ницше, раскрытый на середине — не просто книга, а щит, отделяющий его, тонко чувствующего титана, от этой жующей и бессвязно бормочущей толпы.

Он смотрел на окружающих с той смесью жалости и высокомерия, которая бывает только у очень умных и очень одиноких молодых людей. Он считал себя независимым мыслителем, паломником истины, человеком, который сам прокладывает свой путь. Но за этой броней из цитат и презрения гулко эхом отдавалась та самая комната. Она была огромной, стерильно чистой и невыносимо пустой. Он ждал не просто любви — он ждал Откровения. Он ждал великой цели, которая оправдывает его существование и превратит его меланхолию в праведный гнев. И тогда они появились.

Их было четверо: три молодые женщины и мужчина, которого в собственном описании Хассана звали Тони. Они не просто вошли в кафе — они прорезали серую мглу этого душного полудня, принеся с собой не запах парфюма, а нечто гораздо более дурманящее: сияние смысла. Они не были вызывающе красивы, но в их улыбках пульсировала пугающая, запредельная уверенность. Пока весь мир вокруг сомневался, рефлексировал и распадался на части, эти люди излучали монолитный

покой. Это было не просто дружелюбие — это была лучезарная радость людей, которые точно знают, зачем взошло солнце и чем закончится история человечества.

Его интеллект, его Ницше, его поэзия — всё это вдруг обрело адресата. В сиянии их глаз он увидел не женщин, а образ себя, в котором он наконец-то выглядел великим. Он закрыл Ницше. Пустая комната внутри него больше не сдавалась в аренду. В нее въезжали хозяева, и они уже несли с собой новые обои, новую мебель и новые цепи, которые он примет как знаки отличия.

«Ловушка захлопывается не тогда, когда тебя хватают за руки. Она захлопывается в ту секунду, когда ты решаешь, что наконец-то нашел тех, кто достоин твоего гения».

Глава 1. Поэзия пустых комнат

История Стивена Хассана, человека, который позже станет одним из главных кошмаров религиозных движений, а также виртуозным мастером теорий о контроле сознания, начинается в декорациях, предельно далеких от застенков «культов» или залов судебных заседаний. Она берет начало в Флашинге, оживленном и многоликом районе Куинса, в типичной еврейской семье среднего класса. Его родители, Милтон и Этель Хассан, воспитывали сына в атмосфере, где интеллект и образование считались высшими ценностями.

Стивен действительно оправдывал эти ожидания: он был тем самым «золотым мальчиком», чьи способности опережали время. Он был отличником, чья острота ума позволила ему перепрыгнуть восьмой класс, сократив путь к взрослой жизни. Всё же за внешней красивой картинкой благополучия и успеха зрело тихое, но глубокое разочарование. Хассан посещал еврейскую религиозную школу, но иудаизм в том виде, в котором его преподавали, не давал ответов на его внутренние запросы. Вместо

живой веры он видел лишь очертания, которые не резонировали с его поиском. В этот период он начал формировать образ «независимого мыслителя», человека, который сам прокладывает себе дорогу.

В шестнадцать лет эта тяга к самостоятельности вылилась в почти героический поступок: Стивен совершил одиночный велопробег через все Соединенные Штаты. Этот марафон по хайвеям и проселочным дорогам Америки должен был стать манифестом его силы и автономии. Юноша, крутящий педали от побережья до побережья, чувствовал себя хозяином своей судьбы, «панком», который, как ему тогда казалось, знает об этом мире всё. Эта подчеркнутая независимость была лишь тонкой броней.

Пока Стивен покорял мили, внутри него росла пустота — та самая фундаментальная ниша. Его разочарование в традиционных институтах семьи и религии не сделало его свободным; оно сделало его голодным до смыслов. Он был «существом, создающим смыслы», как он сам охарактеризует человеческую природу годы спустя, но на тот момент его собственные взгляды на жизнь были разбалансированы. Независимость оказалась лишь отсутствием якоря, а блестящий интеллект — инструментом, который без должной калибровки мог быть легко направлен против своего владельца.

К девятнадцати годам Стивен Хассан превратился в идеалистичного студента младшего курса Куинс-колледжа. Он выбрал путь, максимально далекий от прагматизма — изучение английского языка, творческого письма и поэзии. В этом возрасте Стивен видел себя будущим писателем или поэтом. Поэзия была для него не просто учебной дисциплиной, а способом структурировать хаос окружающего мира, попыткой найти те самые слова, которые могли бы изменить человечество к лучшему.

Возможно уже в то время в нем горел классический молодежный идеализм: он искренне хотел приносить пользу, мечтал о мире без войн и страданий, верил в возможность глобальных перемен. Под маской уверенного в себе молодого человека, который считал себя слишком умным для того, чтобы попасться на чью-то удочку, скрывалась острая потребность в признании и принадлежности к чему-то великому.

Он был типичным представителем поколения семидесятых — интеллектуально развитым, скептическим по отношению к государству, но при этом отчаянно ищущим новую истинную опору. Его увлечение литературой лишь усиливало эту чувствительность. Поэты всегда ищут скрытые связи между вещами, и именно эту особенность мышления — готовность видеть глубокие смыслы там, где их нет, — можно было использовать против него.

Внутренний поиск смысла, о котором Хассан часто говорит в своих поздних работах, в тот период, носил скорее нарциссический характер. Он искал не столько Бога или истину, сколько «истинного себя» — того титана, который скрывался под оболочкой обычного студента из Куинса. Он экспериментировал со своим сознанием, увлекался восточными философиями и эзотерикой, которые в то время наводнили кампусы. Это было время «духовного супермаркета», и Хассан бродил по его рядам, пробуя на вкус идеи, которые обещали мгновенную трансформацию.

Важно понимать, что Хассан не был интеллектуальным аутсайдером. Он был блестящим студентом, но его интеллект работал как радар, настроенный на поиск подтверждения собственной исключительности. Он был склонен к самодраматизации. Любая неудача воспринималась им не как жизненный урок, а как экзистенциальная катастрофа. Его «поиск себя» был на самом деле поиском аудитории. Поэзия давала ему голос, но ей не хватало эха.

В этот период Хассан находился в состоянии психологического дрейфа. Его «самостоятельность», закаленная в велопробегах, начала давать сбои при столкновении с более сложными эмоциональными вызовами. Он все еще позиционировал себя как человек, знающий все ответы, но на деле он был лишь юношей, который очень хотел, чтобы его заметили, оценили и пригласили в круг избранных. Жажда исключительности — опасное топливо для девятнадцатилетнего идеалиста.

Позже мы немного шире рассмотрим этот аспект, но в то время Стивен еще не знал, что его стремление к «высшему смыслу» и желание стать

частью великого движения за спасение мира делают его не сильнее, а уязвимее любого обывателя. Его «особенность» была его защитным механизмом. Считая себя интеллектуально выше окружающих, он одновременно дистанцировался от них, создавая социальную изолированность.

Тот роковой день в столовой Куинс-колледжа Хассан впоследствии опишет сотни раз. В его официальной версии это история о «коварном захвате». В тот день в кафетерии Queens College Стивен сидел, погруженный в свои меланхоличные размышления, типичные для брошенного поэта. До этого у него произошло расставание с девушкой. Именно в этот момент к нему подошли три молодые женщины и один мужчина. В его поздних рассказах эта сцена описывается как тщательно спланированная операция «охотников за головами», использующих сексуальное влечение как приманку. Но если посмотреть на это глазами девятнадцатилетнего юноши, чье эго было растоптано недавним расставанием, сцена выглядела иначе.

Это было мгновенное исцеление. Три привлекательные женщины проявляют к нему — именно к нему! — неподдельный интерес. Они флиртуют, они ловят каждое его слово, они смотрят на него так, как не смотрела даже его бывшая девушка. В этот момент Хассан не был «независимым мыслителем». Он был уязвленным мужчиной, которому предложили самый эффективный пластырь в мире — женское восхищение.

Новые знакомые выглядели как студенты, держали учебники и представились частью международного молодежного сообщества, участниками некоего молодежного движения за мир и справедливость. Они говорили о создании лучшего мира, о преодолении барьеров, об идеалах, которые резонировали с его поэтическим идеализмом. Но критическим фактором была не идеология. Критическим фактором было ощущение принадлежности к элитному кругу избранных, который он себе уже параллельно представлял, внимая словам женщин.

Они пригласили его на ужин, и Стивен согласился. Хассан потом будет подчеркивать обман в этом поступке: как будто его заманили ложью, его соблазнили вниманием, его использовали в момент слабости. Если убрать фильтр «жертвы культа», перед нами предстает иная картина. Стивен, уязвленный отказом бывшей возлюбленной, отчаянно нуждался в реванше. Появление трех женщин, проявляющих к нему почти сакральное внимание, стало для его эго целительным бальзамом. Он не просто согласился на ужин — он пошел за ними, потому что они предложили ему роль, о которой он мечтал: роль «избранного», важного звена в чем-то глобальном. Это не было решением исследователя; это было решение человека, который хотел отомстить своему одиночеству.

«Вербовка» в Церковь Объединения, которую позже Хассан назовет «промыыванием мозгов», на начальном этапе была ничем иным, как «бомбардировкой любовью» (love bombing), направленной на самые чувствительные точки его характера. Последователи предлагали общность, но Стивен увидел в этом возможность власти. Ему обещали, что он станет частью проекта планетарного масштаба. Для юноши из Куинса, мечтавшего о величии, это предложение было неотразимым. Желание доказать свою значимость, уязвленное недавним разрывом, трансформировалось в религиозное рвение. Если раньше он пытался утвердиться через поэзию, то теперь он нашел более сильный инструмент. Группа дала ему структуру, в которой его амбиции могли найти выход. Он быстро понял, что внутри организации существует определенная иерархия, и его интеллект, его умение говорить и его жажда признания могут поднять его на самую вершину.

Важно отметить, что движение Муна в 70-е годы не воспринималось его членами как нечто зловещее. Напротив, оно предлагало альтернативу расколотому американскому обществу. Муниты говорили о семье, о чистоте, о глобальном единстве — целях, которые сами по себе были позитивными и привлекательными для тысяч молодых людей. Проблема Хассана заключалась в том, что он пришел туда не за миром во всем мире. Он пришел за компенсацией своих личных дефицитов. Когда Стивен сел

в фургон, направлявшийся на выездной семинар в дорогой особняк, который, как он позднее писал, оказался одним из центров движения, он не чувствовал себя жертвой. Он чувствовал себя избранным. Он еще не знал, что его гордыня станет его главной тюрьмой. В течение следующих двух с половиной лет — точнее, двадцати семи месяцев — он будет карабкаться по иерархической лестнице Церкви Объединения, становясь директором созданного им отделения C.A.R.P. в Queens College, которое, по его словам, стало самым успешным отделением в стране. Он будет собирать деньги, спать по три часа в сутки и верить, что он — правая рука мессии.

Особенно иронично и страшно выглядит его политическая активность того периода. Хассан, выросший в либеральной среде Нью-Йорка, внезапно уверовал, что Ричард Никсон — президент, которого, как он тогда сказал отцу, «Бог хочет видеть» у власти. Во время Уотергейтского скандала он участвовал в постах и молитвенных бдениях в поддержку президента, искренне веря, что спасает божественный план. Это превращение рефлексирующего поэта в агрессивного политического активиста, готового нарушать закон ради «высшего блага», демонстрирует, насколько быстро он менялся. Он сдал свой банковский счет организации, порвал с семьей, объявив своих родителей «агентами Сатаны», и полностью растворился в коллективном «мы», оставив свое «я» в пыльных аудиториях Куинс-колледжа. Чем сильнее был его внутренний надлом после расставания с девушкой и разочарования в привычных смыслах, тем яростнее он цеплялся за новую догму.

Его последующий конфликт с организацией и уход из нее часто описываются как результат интеллектуального прозрения после автомобильной аварии. В 1976 году в жизни девятнадцатилетнего Стивен Хассан не осталось места для случайности, досуга или сомнений; каждый час был заполнен. За считанные недели он превратился в фанатичного функционера, готового работать по 21 часу в сутки. В Балтиморе он руководил командой фандрайзеров, которая за восемь недель собрала из обывателей 35 тысяч долларов — колоссальная сумма для середины

семидесятих. Хассан лично устанавливал квоты: каждый член команды должен был приносить не менее 100 долларов в день, иначе им запрещалось спать. И он, как лидер, не спал вместе с ними.

Этот изнурительный график, где на сон отводилось менее четырех часов, был не просто дисциплиной — это был способ поддерживать состояние транса, в котором критическое мышление полностью отключается. После трех дней без сна за рулем фургона, набитого деньгами и брошюрами, Хассан просто отключился. Произошла автомобильная авария, едва не стоившая ему жизни. Лежа на больничной койке, лишенный возможности продолжать 21-часовой марафон служения, он снова остался наедине со своим «я» — тем самым поэтом из Куинса, который когда-то искал смысл. Его родители, Милтон и Эстель, не стали терять время и наняли депрограмматоров. Пока Стивен восстанавливался, его семья, которая долгое время наблюдала за его трансформацией, увидела в аварии свой единственный шанс. Для его родителей это была не просто медицинская проблема, а целая военная операция «по спасению» личности сына. Начался долгий, мучительный процесс «возвращения».

Используя беспомощность Стивена, родители организовали его перевозку после возвращения домой на Лонг-Айленд; в раннем газетном описании они фактически лишили его возможности уйти, забрав костыли, а затем привели команду депрограмматоров, фактически изолировав его. Отец Стивена, действуя с жесткой решимостью, выдвинул ультиматум, который стал первым шагом к депрограммированию. Он убедил сына дать семье всего пять дней — пять дней тишины и дискуссий в обмен на обещание больше никогда не препятствовать его возвращению в Церковь Объединения, если он того пожелает. Началось изнурительное противостояние: в замкнутом пространстве квартиры Стивен столкнулся не с физическим насилием, а с интеллектуальным и эмоциональным давлением, которое должно было разрушить его новую, искусственно выстроенную идентичность. Семья наняла специалистов, чей опыт должен был перевесить годы индоктринации.

Процесс депрограммирования в 1970-х годах был далек от мягких терапевтических бесед. Это была лобовая атака на мировоззрение. Хассана заставляли слушать, анализировать и сопоставлять «факты». Групповое давление, отсутствие привычной поддержки единоверцев и постоянная апелляция к его «до-культовому» прошлому начали подтачивать фундамент его убеждений. Однако здесь кроется главная аналитическая ловушка: действительно ли в те пять дней в 1976 году он обрел полную свободу мысли, или он совершил «второе обращение» — на этот раз в антикультовую парадигму? Были ли родители просто «спасателями», или они стали невольными инициаторами новой формы зависимости? Анализируя их мотивацию, сложно не заметить, что они стремились не просто освободить Стивена, а вернуть его к той версии личности, которую они одобряли — «правильному» еврейскому мальчику из Куинса, идущему по понятному им пути успеха.

Существует и другая перспектива: Хассан ушел тогда, когда понял, что организация никогда не даст ему того абсолютного статуса и личной власти, на которые он рассчитывал. Когда он осознал, что в «истинной семье» Муна он всегда будет лишь подчиненным, его уязвленное самолюбие совершило кульбит. Опыт служения, который не принес ожидаемых дивидендов в виде лидерства, был трансформирован в нарратив об «опасном культе».

Так началась трансформация Хассана из адепта в эксперта. Его борьба с культами стала продолжением его борьбы за значимость. Не сумев стать пророком внутри организации, он решил стать главным пророком, разоблачающим её. Но корни этой деятельности навсегда остались там — в тенистых улицах Флашинга, в недописанных стихах и в кафетерии Queens College, где девятнадцатилетний юноша решил, что он слишком хорош для обычной жизни. Он не смог стать вторым после Муна. В итоге Хассан трансформировал свое поражение в новую форму власти. Забегая на десятилетия вперед —, он стал «экспертом», тем, кто обладает монополией на объяснение чужого опыта. Его история о «жертве» — это высшая форма проявления гордыни. Объявить себя жертвой

«сверхъестественных технологий контроля» — значит снова подтвердить свою исключительность. Он не был глупцом, он был «особым пленником», чье освобождение дало ему право судить других.

Сильная интерпретация этих событий предполагает, что Хассан не избавился от логики тотальности, а сменил её полярность. Его «истинное я», которое якобы воскресло после депрограммирования, немедленно начало мыслить категориями борьбы, «спасения» других и классификации зла. Вместо «Divine Principle» Муна фундаментом его мира стала теория контроля сознания. То, что началось как семейная интервенция и физическое спасение после аварии, превратилось в основополагающую сцену новой доктрины, где Хассан занял место главного дешифровщика чужих умов. Спасение в 1976 году стало точкой, в которой закончился Хассан-адепт и начался Хассан-идеолог, чье собственное освобождение навсегда осталось неразрывно связанным с методами контроля, которые он решил разоблачать.

Если вернуться к фактам его руководства в Балтиморе, мы увидим человека, одержимого контролем, квотами и эффективностью. Перестав быть мунитом, Хассан не перестал быть контролером. Он сменил статус, сохранив саму жажду управления чужим сознанием.

Современные данные, обсуждаемые на Substack и в юридических кругах, указывают на серьезные правовые последствия деятельности Хассана того периода. Депрограммирование, которое он прошел и в котором позже сам участвовал, часто включало принудительное удержание взрослых людей и поэтому становилось предметом обвинений в похищении, незаконном лишении свободы и нарушении гражданских прав. Тот факт, что он оправдывал эти действия «высшим благом», поразителен в своей абсурдности. Его «прозрение» было не столько освобождением от тотальности, сколько поиском новой формы власти. Жажда контроля, проявлявшаяся в лишении сна его подчиненных в Балтиморе, никуда не исчезла — она трансформировалась в экспертное доминирование. Для Хассана признание того, что он был «запрограммирован», стало идеальной защитой: оно позволило ему

сохранить свой нарциссический профиль лидера, превратив позорное прошлое в героическое настоящее. Однако вопрос о том, где заканчивается спасение и начинается новая форма психологического насилия, остается открытым, бросая тень на всю последующую деятельность человека, который решил, что имеет право определять границы чужой веры.

Рассмотрим один из основополагающих психологических аспектов формирования личности Хассана в детском возрасте — он также проливает свет на скрытые мотивы формирования его деятельности и поиска себя. Речь идет о его стремлении к признанию и принадлежности к чему-то большему, превосходящему масштаб собственной жизни. Данный аспект представляет собой одну из самых глубоких и одновременно опасных динамик человеческой психики. Эта жажда «великого» не является лишь амбициозным дополнением к личности, но зачастую выступает фундаментом, на котором строится вся конструкция субъективного благополучия. Чтобы понять природу этого явления, необходимо обратиться к истокам формирования самосознания, где, согласно идеям Альфреда Адлера, рождается первичное чувство неполноценности. Ребенок вступает в мир в состоянии абсолютной зависимости и физической слабости, что неизбежно формирует в нем ощущение собственной недостаточности по сравнению с миром взрослых. В норме это чувство становится мощным двигателем развития, заставляя индивида стремиться к компетентности и социальному признанию. Однако в ситуациях, когда естественный путь к мастерству и личной автономии оказывается заблокирован или, когда внутренняя пустота достигает критических масштабов, стремление к превосходству претерпевает болезненную трансформацию. Вместо того чтобы строить реальные навыки, психика начинает искать «фиктивное превосходство», пытаясь компенсировать глубоко запрятанную неуверенность через приобщение к внешним атрибутам грандиозности. В этом контексте «великое дело», будь то политическая идеология, религиозный догмат или радикальное общественное движение, становится идеальным объектом для заполнения

внутренней пустоты, предлагая готовую формулу значимости без необходимости долгого и мучительного процесса самопостроения.

Это стремление к компенсации тесно переплетается с фундаментальным страхом перед бессмысленностью индивидуального существования. Одиночество человеческого «Я» перед лицом бесконечной вселенной и неизбежности смерти порождает то, что принято называть внутренней пустотой. Когда человек не находит внутренних ресурсов для создания собственного смысла, он испытывает невыносимую тревогу, связанную с осознанием своей конечности и «малости». Коллективная идентичность в этом случае выступает в роли психологического спасения, предлагая иллюзию бессмертия через сопричастность к чему-то вечному и масштабному. Растворяясь в «Мы», индивид временно заглушает страх собственного небытия, поскольку уход отдельного человека кажется менее фатальной, если дело, которому он служит, продолжает жить. Таким образом, жажда великого — это не столько поиск истины, сколько бегство от ужаса индивидуальной ответственности за смысл своей жизни, попытка заменить хрупкую автономию монолитной силой группы.

Особую остроту и риск эта динамика приобретает в молодежной среде, в период активного формирования идентичности. Подростковый возраст характеризуется конфликтом между «идеальным Я», жаждущим немедленного признания и грандиозности, и реальностью, в которой молодой человек еще не обладает ни социальным статусом, ни глубоким опытом. В этот период неопределенность будущего и страх социальной изоляции делают психику чрезвычайно восприимчивой к ловушкам «быстрой значимости». Грандиозные фантазии в данном случае выполняют защитную функцию, оберегая неокрепшее Эго от столкновения с чувством собственной заурядности. Вместо того чтобы проходить через трудные этапы самоопределения и постепенного накопления профессионального или социального капитала, молодежь часто выбирает путь радикальной принадлежности, который обещает статус «избранного» здесь и сейчас. Этот конфликт между реальностью и

идеалом создает благодатную почву для манипуляций: обещание участия в «великой битве за справедливость» или «спасении нации» дает мгновенный ответ на вопрос о смысле жизни, избавляя от необходимости искать его самостоятельно.

Однако цена такого бегства от себя оказывается непомерно высокой. Главным последствием становится деградация критического мышления и постепенная потеря психологической автономии. Когда идентичность человека полностью завязана на принадлежности к «великому», любое сомнение в истинности этого идеала воспринимается как угроза самому существованию личности. Это приводит к формированию фанатизма — состояния, при котором верность группе становится выше логики, фактов и морали. Окружающий мир начинает восприниматься в черно-белых тонах, где все, кто не разделяет выбранный идеал, автоматически демонизируются.

Путь к здоровой интеграции потребности в принадлежности лежит через признание ценности индивидуальной самости как первичного и незаменимого элемента человеческого опыта. Принадлежность к группе не должна быть актом самоотречения; напротив, она должна быть результатом осознанного вклада суверенной личности в общее благо.

Адлеровское понятие «чувства общности» или социального интереса предлагает конструктивную альтернативу жажде превосходства: это стремление быть полезным другим, исходя из признания равенства и уникальности каждого. Здоровая личность находит смысл не в растворении в грандиозном целом, а в созидательном взаимодействии с миром, где «великое» измеряется не масштабом лозунгов, а глубиной реальных связей и качеством личного вклада. Только через принятие своей человеческой ограниченности и отказ от компенсаторной грандиозности человек обретает подлинную значимость, которая не зависит от внешнего одобрения или краха коллективных иллюзий. Истинное величие рождается не из бегства от собственной тени или неполноценности, а из мужества быть собой, оставаясь при этом открытым для сотрудничества и сопричастности человечеству в целом.

Глава 2. От освобождённого к освободителю

Летом 1976 года Стивен Хассан, только что покинувший Церковь Объединения после автомобильной аварии и последующего вмешательства специалистов, вернулся в лоно семьи. Данный переход, совершённый с пугающей быстротой, заложил фундамент всей его последующей карьеры. Если рассмотреть дальнейший путь Хассана с архивной тщательностью, оказывается он был сложен не из кирпичей академической психологии, а из гораздо более грубого материала — из практик принудительного депрограммирования, которые в ту эпоху находились в «серой зоне» американского законодательства, а позже в ряде случаев становились предметом уголовных обвинений и гражданских исков о похищении, незаконном лишении свободы и нарушении гражданских прав.

Депрограммирование 1970-х, олицетворением которого был Тед Патрик, не имело ничего общего с кабинетной терапией. Это была полуподпольная индустрия «черных операций». Типичный сценарий, который Хассан называл «единственно известным», включал в себя насильственный захват взрослого человека, часто среди белого дня, и его транспортировку в изолированное место — загородный дом, охраняемый мотель или подвал.

Методы воздействия в таких «убежищах» включали в себя лишение сна, когда сессии допросов длились по двадцать часов подряд, физическое удержание, когда человеку запрещалось выходить из комнаты даже для естественных надобностей без сопровождения, и непрекращающийся информационный штурм. Хассан в своих ранних интервью защищал эти подходы, считая недобровольное вмешательство оправданным средством против «контроля сознания». Эта

парадоксальная логика — использование тотального контроля для освобождения от контроля — стала идеологическим ядром, которое Хассан пронесет через десятилетия, лишь меняя терминологию.

Долгое время ранний период деятельности Хассана был скрыт за обтекаемыми формулировками о «консультировании по выходу». Но в программном интервью для ресурса Religioscope, датированном 19 января 2003 года, Хассан допустил редкую для него откровенность. В беседе, озаглавленной «От депрограммирования к стратегическому интерактивному подходу», он прямо признал, что в течение первого года после своего ухода из Церкви Объединения он активно занимался тем, что в те годы называлось «депрограммированием». Его слова — «Я был вовлечен в некоторые депрограммирования в течение первого года» — являются ключевой уликой для любого исследователя его биографии. Это признание разрушает тщательно выстраиваемый позже имидж человека, который всегда выступал за мягкое психологическое воздействие и ставит его в один ряд с наиболее радикальными представителями антикультового движения того времени, чьи методы сегодня назвали бы похищением и пытками.

В том же интервью Хассан использовал фразу, которая в среде профессиональных психологов вызвала бы оторопь, но для него она звучала как сухая статистика успеха. Он заявил, что десять из двенадцати проведенных им вмешательств были успешными. Анализ этой фразы — «Ten out of twelve were successful» — обнажает истинные приоритеты раннего Хассана. Что именно он называл успехом? В контексте 1970-х годов под успехом понимался исключительно физический разрыв адепта с его группой. Если человек переставал называть себя последователем Муна и возвращался в родительский дом, миссия считалась выполненной. При этом психологическое состояние субъекта, глубина нанесенной ему в процессе «освобождения» травмы и долгосрочные последствия для его психики в эту формулу успеха не включались. Для него сознание человека в тот момент было «запрограммированным объектом», который нужно было вскрыть любым доступным инструментом.

Эта утилитарность — достижение цели любой ценой — станет красной нитью проходящей через всю его деятельность, даже когда методы сменяются на более социально приемлемые. Интересно, что Хассан не отрицает тяжести процесса. Он признаёт, что это было травматично как для него самого, так и для тех, кому он «помогал». Он описывает состояние крайнего стресса, в котором находились все участники процесса. Однако здесь возникает важный вопрос: почему Хассан решил отойти от жестких методов к концу 1970-х? Он утверждает, что это было этическое прозрение — он «просто знал, что не хочет продолжать это делать». Но исторический и правовой контекст рисует иную картину.

К началу 1980-х годов судебная система США начала заваливать депрограммеров исками. То, что раньше преподносилось как «спасение души», адвокаты жертв начали успешно квалифицировать как незаконное лишение свободы, похищение и нарушение гражданских прав. Хассан сам признает, что к тому моменту практика стала «явно незаконной». Таким образом, его переход к «консультированию по выходу» (exit counseling) выглядит не столько как акт морального очищения, сколько как стратегическое отступление профессионала, почувшего смену юридического климата. Он понял, что старые методы несут в себе угрозу тюремного заключения, и начал ребрендинг своей деятельности, сохраняя, однако, прежнюю цель — контроль над убеждениями.

Самым уязвимым местом в биографии Хассана остаются свидетельства людей, ставших объектами его ранних экспериментов. Судебные аффидавиты, поданные в разные годы, рисуют портрет человека, крайне далекого от образа гуманного консультанта. Особое внимание заслуживает случай Артура Розелле, фигурирующего в документах под инициалами AR. Согласно его показаниям под присягой, он был похищен, связан по рукам и ногам и удерживался в изоляции. В этом процессе, как утверждается в документах, Хассан играл центральную роль. Розелле описывал, как его лишали сна в течение трех суток, подвергали постоянным унижениям и угрожали применением психотропных препаратов, если он не отречется от своих убеждений.

Другой случай — свидетельские показания женщины под инициалами СК, которую удерживали в загородном доме. Когда первая группа депрограммеров не смогла «сломать» её веру, был вызван Хассан как специалист по «тяжелым случаям». Эти документы, на которые часто ссылаются критики, включая ресурс STAND League, показывают, что Хассан был не просто случайным свидетелем, а квалифицированным исполнителем в системе, где физическое насилие было нормой. Даже если рассматривать STAND League как заинтересованный ресурс, наличие официальных судебных affidavits, поданных под страхом наказания за лжесвидетельство, переводит эти факты из разряда слухов в разряд документальных свидетельств.

Участие Хассана в депрограммированиях опиралось на мощную организационную поддержку Cult Awareness Network (CAN), которая до своего краха в 1990-х была главным координатором антикультовой деятельности в США. Социолог Энсон Шуп в своем фундаментальном труде «Агенты раздора» (Agents of Discord) детально описал, как функционировала эта структура. По данным Шупа, CAN была не просто информационным бюро, а своего рода «клиринговой палатой» для депрограммеров. Семьи, охваченные паникой после прочтения литературы CAN о «промыивании мозгов», направлялись к специалистам вроде Хассана. За это организация часто получала скрытые комиссионные или пожертвования.

Шуп подчеркивает, что эта индустрия строилась на «плохой науке» — концепции тотального контроля сознания, которая позволяла оправдывать любые нарушения гражданских прав коммерческой выгодой. Хассан вырос профессионально внутри той же антикультовой среды, хотя степень его персональной включенности в конкретные финансовые механизмы CAN требует отдельного доказательства. Он не просто практиковал депрограммирование, он был частью экономической цепочки, где за «освобождение» сознания платились десятки тысяч долларов, а методы воздействия диктовались не медициной, а необходимостью получить быстрый результат, чтобы оправдать гонорар.

История CAN — это не просто летопись общественной организации, а история формирования рынка услуг, где страх родителей перед «потерей детей» конвертировался в политическое влияние и значительные финансовые потоки.

Путь этой сети начался в 1974 году с создания Citizens Freedom Foundation (CFF), возникшей как стихийная реакция на подъем новых религиозных движений. У истоков стоял Тед Патрик, человек, не имевший никакого профильного образования, но обладавший фанатичной убежденностью в том, что «промытые мозги» можно вернуть в норму только через жесткое встречное давление. Патрик ввел в обиход термин «депрограммирование», который на практике означал физическое похищение человека, его изоляцию в запертом помещении и многодневный психологический (а иногда и физический) прессинг до тех пор, пока субъект не отрекался от своих убеждений. К середине 1980-х CFF трансформировалась в Cult Awareness Network со штаб-квартирой в Чикаго. Организация выстроила целую систему контроля над информацией.

Как отмечают социологи Энсон Шуп и Сьюзан Дарнелл в труде «Agents of Discord», CAN функционировала как централизованный диспетчерский пункт. Семьи, находящиеся в состоянии острого стресса, звонили на горячую линию CAN, где их «обрабатывали» волонтеры, рисуя апокалиптические картины будущего их близких. После этого семьям рекомендовали конкретных специалистов — «консультантов» или «депрограммеров». Анализ финансовой составляющей этой деятельности, проведенный Шупом и Дарнелл, вскрывает существование негласной системы «откатов» (kickbacks).

Профессиональные депрограмматоры, чьи гонорары за одну операцию могли достигать 10–30 тысяч долларов США (в ценах 80-х годов), регулярно перечисляли значительную часть прибыли обратно в CAN в виде «пожертвований». Такая борьба с «культами» была неразрывно связана с коммерческим интересом. Именно в эту среду в 1976 году, сразу после своего ухода из Церкви Объединения, попал

молодой Стивен Хассан. Он не был рядовым «выжившим», ищущим исцеления. Его ранний послужной список и резюме (CV) тех лет демонстрируют стремительную инкорпорацию в верхушку антикультовой иерархии. Он быстро осознал ценность своего статуса бывшего высокопоставленного члена «мунитов» для нужд антикультового движения. Хассан стал тем, кого исследователи называют «connected figure» — связующим звеном между теоретиками антикультизма и радикальными практиками депрограммирования.

В своем раннем CV Хассан прямо указывает на свою роль «советника» (adviser) в CAN. Эта позиция была далеко не формальной. Он не просто читал лекции; он был частью интеллектуальной и практической среды раннего антикультизма. Хассан входил в элитное подразделение NARDEC — группу внутри CAN, которая работала с крупными донорами и наиболее сложными случаями. Его задачей было не только «просвещение», но и подготовка почвы для интервенций. Он обучал родителей методам «взлома» психологической защиты их детей, используя свои инсайдерские знания о внутренней структуре групп.

Связи Хассана с радикальными депрограмматорами старой закалки были тесными и многолетними. Хотя позже он начал дистанцироваться от термина «депрограммирование», его ранние работы и выступления на конференциях CAN пропитаны той же методологией конфронтации. Его статус в сети позволял ему выступать в роли «эксперта-интерпретатора»: он брал сырые, часто насильственные методы Теда Патрика и облекал их в более приемлемую для общества обертку «психологической помощи». Суть оставалась прежней — внешнее, принудительное вмешательство в структуру личности.

Первый год Стивена Хассана на поприще антикультовой борьбы — это период, который он сам предпочитает вспоминать лишь вскользь. Однако именно этот год дает ключ к пониманию его последующей деятельности.

Мы видим человека, который, едва успев сбросить оковы одной идеологии, тут же надел форму надзирателя, призванного «освободить»

других. Документально подтвержденное самим Хассаном участие в депрограммированиях, высокий процент «успеха», достигнутый в условиях изоляции и стресса, и тесная связь с агрессивной инфраструктурой антикультового движения — все это рисует портрет не психолога-гуманиста, а идеологического боевика. Хассан строит свою карьеру на критике контроля сознания, но его собственная история показывает, что он был одним из тех, кто принял участие в применении встречного давления к тем, кого считал жертвами чужого контроля, просто развернув их в другую сторону. Тот факт, что нынешний «защитник свободы воли» начинал с того, что участвовал в принудительных или полупринудительных вмешательствах, часть которых критики описывали как удержание, давление и лишение сна, чтобы заставить их думать «правильно», остается самой неудобной и тщательно замалчиваемой главой в истории его восхождения.

В профессиональной среде антикультистов 80-х годов существовал негласный консенсус относительно терминологии. Когда общественное мнение и правоохранительные органы начали проявлять беспокойство из-за участвовавших случаев похищений, возникла необходимость в ребрендинге. Так появилось понятие «exit counseling» (консультирование по выходу), главным апологетом которого и стал Хассан.

Анализ, представленный в сборнике «Anti-cult Movements in Cross-cultural Perspective» (1994), показывает, что грань между насильственным депрограммированием и «добровольным» консультированием была в значительной степени фиктивной. В реальности эти две практики часто представляли собой два этапа одного и того же процесса. Сначала «депрограмматор» обеспечивал физический контроль над объектом, а затем в дело вступал «консультант» типа Хассана, который проводил «интеллектуальную деконструкцию» убеждений человека.

Семьи в этой схеме выступали в роли заказчиков, которые оплачивали весь пакет услуг. Хассан в своих ранних трудах часто оправдывал участие в таких сессиях, утверждая, что, если человек находится в «культовом состоянии», его согласие не требуется, так как

его «подлинное Я» якобы подавлено. Это позволяло интервенционистам обходить этические нормы профессиональной психотерапии. В работах Шупа и Дарнелл подчеркивается, что «консультанты по выходу» работали в условиях, созданных насильственным путем, и их эффективность напрямую зависела от неспособности жертвы покинуть помещение. Хассан стал мастером этой «мягкой» фазы насилия, создавая иллюзию диалога там, где на самом деле происходила методичная психологическая ломка.

Предел безнаказанности сети CAN был положен в середине 90-х годов в ходе судебного процесса, ставшего поворотным для всей индустрии. Дело Джейсона Скотта, восемнадцатилетнего члена церкви Life Tabernacle Church, небольшой общины United Pentecostal Church International, которого похитили и пытались депрограммировать по заказу его матери, обнажило все механизмы работы CAN. Ключевым моментом стало то, что волонтер CAN Ширли Литтиг напрямую связала мать Скотта с депрограмматором Риком Россом.

Судебный вердикт 1995 года был сокрушительным: присяжные присудили Скотту 875 тысяч долларов компенсационных убытков и 4 миллиона долларов штрафных убытков — всего 4,875 миллиона долларов, признав CAN виновной в сговоре с целью нарушения гражданских прав и незаконного лишения свободы. Это привело к банкротству организации. Для Хассана и его коллег это был сигнал к немедленной трансформации. Именно после краха CAN Хассан начинает активно продвигать свой «Стратегический интерактивный подход», который декларирует полный отказ от насилия. Однако, если изучить его методологию более пристально, становится ясно, что это была скорее юридическая адаптация, чем этическое перерождение. Весь накопленный опыт манипуляций был просто перенесен в новые рамки, где давление семьи заменило физические оковы.

Понимая, что «уличный» антикультизм мертв, лидеры движения двинулись в сторону академической легитимации. Центральную роль здесь сыграла American Family Foundation (AFF), позже переименованная

в International Cultic Studies Association (ICSA). Это была попытка создать интеллектуальный штаб, который мог бы придать практике интервенционистов вид научной дисциплины. Стивен Хассан стал одним из главных бенефициаров этой стратегии. AFF начала издавать «Cultic Studies Journal», где практики без серьезного научного бэкграунда могли публиковать статьи, цитируя друг друга и создавая эффект «научного консенсуса». Это была герметичная среда: конференции ICSA собирали одних и тех же спикеров — от Маргарет Сингер до самого Хассана. Они создали цепочку взаимной верификации, где статус «эксперта» присваивался не на основе независимых исследований, а на основе лояльности сети.

Хассан активно использовал площадки ICSA для продвижения своей модели BITE, которую более подробно разберем чуть позже. Несмотря на то, что эта модель никогда не получала одобрения со стороны крупных психологических ассоциаций, ее постоянное присутствие в публикациях AFF создавало иллюзию её общепризнанности. Это был классический пример «захвата дискурса», когда узкая группа интересов монополизирует право называться экспертами в определенной области, используя институциональные инструменты для легитимации сомнительных методов.

В основе всей деятельности Хассана, от его ранних дней в среде депрограммирования до современного статуса «гуру», лежит глубоко проблемная этическая установка. В своей книге «Combating Cult Mind Control» (1988) он делает заявление, которое до сих пор является предметом критики со стороны правозащитников. Хассан пишет, что «недобровольное вмешательство» (involuntary intervention) может быть оправдано как «последнее средство» (last resort).

Эта оговорка о «последнем средстве» открывает дверь для любых злоупотреблений. Хассан вводит понятие «культовой идентичности» или «ложного Я», которое якобы полностью замещает личность адепта. С точки зрения этой логики, интервенционист не нарушает волю человека, потому что воли у адепта нет — есть лишь «программа». Следовательно,

лишение человека свободы или психологическое давление на него преподносятся как акт «освобождения» его «истинного Я». В выступлениях Хассана того периода, можно заметить, как он дегуманизирует объект воздействия. Для него член группы — это не субъект с правом на выбор, а «неисправный аппарат», требующий внешнего ремонта. Эта концепция «ложного Я» является идеальным оправданием для любого вмешательства.

В сборнике «Anti-cult Movements in Cross-cultural Perspective» авторы указывают, что такой подход лишает человека фундаментального гражданского права — права быть «неправильным» или «заблуждающимся» с точки зрения внешнего наблюдателя. Фактически получается, что Хассан провозгласил себя и своих коллег по сети CAN/ICSA верховными судьями, определяющими аутентичность человеческой личности.

Его «консультирование» — это не поиск истины вместе с клиентом, а подталкивание клиента к заранее заданному результату: признанию своего опыта «ошибочным», а группы — «деструктивной». Современная «профессиональная среда» антикультизма, выстроенная вокруг фигуры Хассана, остается прямой наследницей радикальных депрограмматоров 70-х. Изменились термины, исчезли цепи, но сохранилась главная интенция — убеждение в том, что профессионал имеет моральное право на принудительную психологическую коррекцию личности ради «её же блага». Стивен Хассан прошел путь от соратника похитителей до уважаемого автора, но фундамент его метода — отрицание суверенности человеческого сознания — остался неизменным со времен Теда Патрика.

Глава 3. Любовь, брак, дипломы: как активист оформляет себя в профессионала

Переход Стивена Хассана от ампула «уличного бойца» антикультивого фронта к образу уважаемого исследователя, автора и лицензированного клинициста представляет собой один из самых примечательных примеров социального приспособления в истории американского психологического активизма. Если 1970-е годы были для Хассана временем «священной войны», где оправдывались любые средства, то последующие десятилетия стали эпохой «догоняющей легитимации». Это была вынужденная стратегия выживания, продиктованная юридическими угрозами и острой необходимостью отмыть репутацию от шлейфа похищений и судебных исков.

В начале 1980-х Стивен Хассан остро нуждался в социальном якоре. Его биография бывшего высокопоставленного члена Церкви Объединения и активного депрограмматора делала его фигурой яркой, но второстепенной. Для мейнстримной психологии он оставался фанатиком, сменившим один вид одержимости на другой. Именно в этот период в его жизни появляется Аурит Бар-Ям (Aureet Bar-Yam), женщина, чей академический и профессиональный статус стал для Хассана не просто личным выбором, но и важнейшим элементом его «профессионального фасада».

Аурит Бар-Ям была прямой противоположностью Хассана. Она обладала безупречным образованием — степенью доктора философии (PhD) в области психологического консультирования, полученной в Гарварде и Бостонском университете. Она была признанным теоретиком межличностного развития, автором глубоких клинических работ. Союз с ней давал Хассану то, чего он не мог купить сам: интеллектуальную легитимность и доступ в круги, где слово «депрограммирование» вызывало брезгливость.

К 1984 году Стивен Хассан оказался в странном положении. С одной стороны, он уже был признанным экспертом-практиком: его приглашали на телевидение, о нем писали газеты, за его плечами были многочисленные «успешные» случаи вывода людей из культов. С другой стороны, в глазах академического сообщества и, что более важно, в глазах судебной системы он оставался «продвинутым дилетантом». В залах суда, где решались судьбы опеки над детьми или гражданские иски против мощных религиозных корпораций, статус «бывшего члена культа» имел ограниченный вес. Адвокаты противоположной стороны с легкостью обесценивали его показания, указывая на отсутствие профильного образования и лицензии.

Хассан понимал, что для серьезного влияния на общество и изменения законодательства ему нужны официальные «корочки». Его активизм начал упираться в стеклянный потолок. В интервью Religioscope 2003 года он прямо отмечал, что к 1984 году ему стало ясно: без дипломов он навсегда останется в нише маргинального депрограммирования. Это решение было продиктовано не жаждой знаний в чистом виде, а острой необходимостью легитимации.

Он выбрал путь «догоняющей профессионализации». Это редкий случай, когда человек сначала создает методику, получает признание в полях, а затем идет в университет, чтобы получить право называть свою деятельность «консультированием по психическому здоровью». Именно здесь берет начало его стратегия «догоняющей легитимации». Хассан начинает получать ученые степени уже после того, как десятилетие проработал в этом поле. И по факту это нестандартная ситуация для профессионального сообщества: обычно сначала получают образование, а затем приступают к практике. В случае Хассана дипломы были «закуплены» для оправдания уже совершенных действий. Ему нужно было стать «экспертом» не для того, чтобы лечить, а для того, чтобы иметь право выступать в суде и диктовать свою повестку дня с позиции авторитета.

Первой ступенью в этом плане стало получение степени магистра образования (MEd) по консультативной психологии в Кембриджском колледже в 1985 году. Выбор учебного заведения был прагматичным. Cambridge College в те годы позиционировался как колледж для взрослых студентов с нетрадиционными биографиями. Главной особенностью колледжа была система зачета «жизненного и профессионального опыта» в счет академических часов. Для Хассана это было идеальным решением. Ему не нужно было сидеть за партой годами, изучая основы классической психологии и физиологии мозга. Он смог конвертировать годы своих «полевых операций» в магистерскую степень. Этот диплом был получен в разгар его наиболее активной практики «консультирования по выходу» (exit counseling) — термина, который он придумал для ребрендинга депрограммирования.

Важно понимать, что на момент получения магистратуры Хассан уже опубликовал ряд статей и выступал на телевидении. Диплом 1985 года не добавил ему новых знаний; он добавил ему строчку в резюме, которая позволяла вводить в заблуждение судей и журналистов. Он начал называть себя «профессиональным консультантом» задолго до того, как получил на это законное право. Его обучение было попыткой подогнать теорию под свои собственные, уже сложившиеся и зачастую антинаучные методы.

Анализ деятельности Хассана в этот период показывает, что его жена Аурит фактически служила его «академическим тылом», помогая переформулировать его агрессивный опыт в термины, приемлемые для научного сообщества. Но есть в истории этого брака и странные противоречия, которые Хассан в своих мемуарах предпочитает обходить стороной. Официальная версия гласит, что Аурит трагически погибла в январе 1991 года. Это был инцидент на озере Сэнди-Понд в Линкольне: она провалилась под лед, пытаясь спасти их собаку, и скончалась от переохлаждения после трагического инцидента. Затем Хассан десятилетиями использовал образ «скорбящего вдовца», посвящая ей

книги (например, «Combatting Cult Mind Control») и описывая их союз как образец любви и взаимопонимания.

Следует отметить, что на сайте, посвящённом памяти и творчеству Аурит, в хронологической рубрике 1990 год обозначен как дата развода, а в записи от имени самого Стивена Хассана, размещённой в разделе «Друзья», он пишет: *«...Мы много говорили о том, что было накануне её смерти. Тогда это были одни из лучших времён после нашего расставания...»*

В материалах, цитируемых критиками из CESNUR (Центр изучения новых религий), и в обсуждениях на исследовательских форумах (включая архивные правки Википедии) всплывает дата развода — 1989 год. Если факт развода за год или два года до трагедии подтверждается, то это радикально меняет восприятие «профессиональной биографии» Хассана. В таком случае использование имени Аурит после 1991 года выглядит как циничная манипуляция образом покойной женщины. Хассану было выгодно быть вдовцом, а не разведенным мужчиной, чей брак с академическим светилом распался. Смерть жены стала для него моментом «трагической перезагрузки», позволившим скрыть внутреннюю нестабильность и личные неудачи за пеленой общественного сочувствия.

После этой информации становится очевидным: перед нами масштабная мистификация, где каждый «кирпич» в здании репутации заложен на ложном фундаменте. Стивен Хассан доказал, что манипуляция биографическими фактами способны превратить вчерашнего похитителя людей в сегодняшнего «доктора наук». Вся многолетняя карьера Хассана — это тщательно выстроенная декорация, призванная скрыть глубоко личные провалы и юридически сомнительное прошлое за фасадом академической респектабельности. Первым актом этой манипуляции стало намеренное искажение истории его пребывания в Церкви Объединения. Создавая себе имидж «высокопоставленного лидера» и преувеличивая значимость своего участия в культе, Хассан не просто торговал опытом выжившего — он конструировал легенду, которая позволила бы ему претендовать на уникальную экспертизу.

Еще более эффективным средством в его арсенале стало использование имени Аурит Бар-Ям. Созданный Хассаном миф о «трагическом вдовстве» послужил двойной цели: он обеспечил ему эмоциональную неприкосновенность и, что более важно, скрыл факт развода, последовавшего за периодом тяжелой психологической нестабильности. Эксплуатация образа покойной женщины, чей реальный статус в его жизни на момент смерти был юридически аннулирован, стала тем самым «эмоциональным щитом», за которым Хассан прятал свои профессиональные дефициты. Эта постоянная ложь не была случайностью или следствием личного горя. Она стала необходимым социальным и профессиональным лифтом. Без интеллектуального багажа Аурит Бар-Ям и без образа «скорбящего мученика» Хассан остался бы в истории лишь «уличным бойцом» и депрограмматором, чьи методы граничили с уголовщиной. Вместо этого он сумел конвертировать сомнительный антикультовый активизм в лицензированную практику.

В тот период Хассан демонстрировал явные признаки психологической неустойчивости. Окружение отмечало его взрывной характер и заикленность на «культовой угрозе», которая граничила с паранойей.

Настоящим триумфом «оформления активиста в профессионала» стало получение лицензии консультанта по психическому здоровью (LMHC) в штате Массачусетс в 1992 году (лицензия № 820). Хронологическое совпадение здесь показательно: лицензия была получена через год после смерти Аурит Бар-Ям и в момент, когда судебные процессы против депрограмматоров достигли своего пика (дело Рика Росса и окончательное банкротство CAN были уже не за горами). Получение лицензии стало для Хассана актом окончательной легализации. Теперь он был не просто «бывшим сектантом со связями», а лицензированным государством специалистом. Это дало ему возможность выступать в качестве свидетеля-эксперта в судах, где раньше его показания могли быть отклонены как предвзятые; создать вокруг себя

ореол «научности», подменяя объективные психологические исследования своей личной неприязнью к религиозным группам; обеспечить себе защиту от обвинений в незаконной медицинской практике.

Лицензия 1992 года стала тем водоразделом, после которого Хассан окончательно похоронил свое прошлое депрограмматора под слоями официальных бланков. Однако методы остались прежними: в своей книге «Releasing the Bonds» (2000) он продолжает описывать «интервенции», которые по своей сути являются мягкой формой того же психологического давления, которое он практиковал в 70-х. Но теперь это называлось «Стратегическим интерактивным подходом» и имело печать лицензированного специалиста.

Кульминацией этой многолетней погони за статусом стала защита докторской диссертации в Fielding Graduate University в 2020 году. Хассан получил степень PhD в возрасте 66 лет. Зачем человеку, который и так считается «ведущим мировым экспертом», понадобилась докторская степень на закате карьеры? Возможно суть кроется в политических амбициях и необходимости создать бренд «Доктор Хассан» для атак на совершенно новом, «более высоком» уровне. Университет Филдинга (Fielding Graduate University) — это заведение, специализирующееся на дистанционном обучении для состоявшихся профессионалов.

Критики, включая Массимо Интровинье, отмечают, что диссертация Хассана скорее стремится придать количественную форму уже существующей BITE-модели, чем предлагает принципиально новую теорию. Это массивный текст, который на 90% состоит из самоцитирования и рекомбинации его старой «BITE-модели». BITE-модель была разработана Хассаном на коленке еще в 80-х годах на основе дискредитированных теорий о «промывке мозгов». Академическое сообщество и суды США официально отвергли эти теории как ненаучные, но получив PhD в 2020 году, Хассан попытался совершить «научный реванш».

Статус «доктора» закрепил уже начавшийся переход Хассана от темы религиозных культов к более широкой политической повестке. Книгу «Культ Трампа» он опубликовал ещё до получения докторской степени, однако позднее PhD усилил его публичный статус и позволил представлять свои идеи в более академической и политически значимой форме. Получается, что новый академический статус помог ему легитимировать попытку стигматизировать политические убеждения миллионов людей, называя их следствием авторитарного влияния, пропаганды и техник контроля сознания. Его диссертация стала не вкладом в науку, а инвестицией в бренд, который позволяет продавать услуги «консультирования» в промышленных масштабах. Теперь любой его оппонент — будь то религиозный лидер или политический деятель — сталкивался не с «активистом-расстригой», а с «целым доктором философии».

Путь Стивена Хассана — от участника насильственных похищений до лицензированного клинициста и доктора наук — это не история интеллектуального поиска, а история мастерской упаковки. Каждый его диплом, каждая лицензия появлялись ровно в тот момент, когда его прошлая деятельность становилась юридически опасной. Он не искал истину; он искал защиты. Его «профессионализация» была формой приспособления, позволившей ему сохранить влияние и доходы, избежав при этом ответственности за методы, которые в любой другой ситуации были бы признаны преступными.

Хассан доказал, что если достаточно долго называть похищение «консультированием», а личную обиду — «научной моделью», то в конечном итоге ты получишь диплом. Дипломы и лицензии были не целью, а средством защиты. За блеском этих регалий скрывается пустота: карьера, начатая с искажения истины, не может служить источником объективного знания. Создание его авторитета, построенное на фундаменте из подтасованных дат и вымышленных трагедий, обречено оставаться обелиском нахальному оппортунизму, а не психологии.

Глава 4. Экспертность как бизнес

Создание Стивеном Хассаном Ресурсного Центра Свободы Сознания, Инк. (The Freedom of Mind Resource Center, Inc.) в 1999 году в штате Массачусетс стало важным этапом его перехода от индивидуального антикультового активизма к институционализированной консультационной модели. В этой структуре Хассан фигурировал как основатель, директор и президент; в корпоративных данных Массачусетса он также указан как президент и казначей. Такое сосредоточение власти в одних руках обеспечило ему не только полный контроль над идеологической повесткой организации, но и прямое управление всеми финансовыми потоками, что превратило организацию в личную интеллектуальную и экономическую вотчину.

С точки зрения социологии профессий, этот этап можно охарактеризовать как капитализацию биографического ресурса. Регистрация торговой марки Freedom of Mind закрепила за центром коммерческий бренд, через который продвигались консультации, обучение и методология Хассана. Личный опыт депрограммирования, инициированного его родителями после автомобильной аварии, был переработан в профессиональное кредо, где Хассан легитимизирует свою власть через уникальное сочетание академических степеней и собственного опыта, который невозможно получить в университетской аудитории. Это создает фигуру эксперта-свидетеля, чье мнение практически не подлежит обычной научной фальсификации, так как оно подкреплено личным страданием.

По итогу, в глазах общественности и потенциальных клиентов Хассан выступает не просто как теоретик, а как человек, «прошедший через ад», что делает его экспертизу эмоционально неуязвимой для критики. Эта неуязвимость становится ключевым элементом маркетинга: несогласие с его методами или выводами часто трактуется не как научная дискуссия, а

как непонимание самой сути культового опыта, доступного лишь посвященным.

Центральным продуктом Freedom of Mind Resource Center является не столько информация, сколько специфическая технология воздействия, получившая название Стратегический интерактивный подход. Хассан позиционирует этот метод как гуманную и ненасильственную альтернативу жесткому депрограммированию восьмидесятых годов, но системный анализ деятельности центра показывает, что этот подход в первую очередь служит инструментом профессионализации и огораживания рынка. Переименование депрограммирования в консультирование по выходу позволило Хассану дистанцироваться от юридически спорных практик и встроить свои услуги в легальное поле психологической помощи. Это была стратегическая победа, превратившая антикультовую деятельность из полуподпольного ремесла в респектабельный бизнес.

При этом важно понимать, что Freedom of Mind функционирует как коммерческая организация, где помощь клиенту является товаром с высокой добавленной стоимостью. Модель стратегического интерактивного подхода работает как закрытый технологический цикл, включающий диагностическую часть в виде модели ВІТЕ, протоколы взаимодействия с семьей и долгосрочную реабилитацию. В рамках институционального анализа этот метод выступает как интеллектуальная огороженная территория. Для того чтобы практиковать данный метод официально, специалисты должны пройти обучение именно у Хассана, что выстраивает жесткую иерархическую структуру отношений между мастером и подмастерьем.

Таким образом, помощь превращается в структуру, где методология защищена авторским правом, а ее эффективность подтверждается не независимыми клиническими исследованиями, а медийным весом автора и лояльностью клиентской базы. Коммерциализация здесь не просто сопутствует экспертной позиции, она цементирует ее, делая Хассана единственным легитимным источником интерпретации «правильного»

метода выхода из культа. Экономическая выгода становится гарантом того, что методология будет воспроизводиться без существенных изменений, поддерживая статус-кво создателя.

Бизнес-модель Freedom of Mind характеризуется предельной концентрацией управленческих функций, что типично для экспертных бюро закрытого типа. Хассан выступает не только как идеолог, но и как главный исполнительный орган, что исключает возможность внешнего аудита или независимого совета директоров. Такая структура позволяет ему гибко диверсифицировать доходы, используя стратегию искусственного дефицита. Информация на официальных ресурсах о том, что специалист в настоящее время не принимает новых клиентов или имеет многомесячный лист ожидания, работает на повышение статусной стоимости его времени. Это классический прием маркетинга роскоши, перенесенный в сферу психологической помощи, где «доступ к телу» эксперта становится привилегией, за которую клиенты готовы платить по повышенному тарифу.

Индивидуальный консалтинг и коучинг при этом дополняются масштабируемыми продуктами, такими как онлайн-курсы по пониманию культов или восстановлению после конкретных религиозных течений, например, мормонизма. Особое значение в структуре доходов имеют аккредитованные курсы для получения зачетных единиц непрерывного образования. Интеграция коммерческой структуры Хассана в официальную систему переподготовки медицинских и юридических кадров позволяет ему легитимизировать свой бизнес на государственном уровне.

Издательская деятельность также является не просто просвещением, а эффективной маркетинговой воронкой. Каждая новая книга Хассана, от классических работ по контролю сознания до политизированных исследований «культа Трампа», формирует спрос на услуги его центра, расширяя границы того, что считается деструктивным влиянием. Экспертность превращается в капитал, который позволяет диктовать условия на рынке «освобождения сознания», где высокая стоимость услуг

и сложность организационной структуры создают непреодолимые барьеры для входа конкурентов. Хассан создал конгломерат, в котором он является одновременно и законодателем стандартов помощи, и главным выгодополучателем от их внедрения.

Успех Хассана на рынке экспертных услуг во многом объясняется его способностью проецировать собственный опыт на любые социальные и религиозные группы, создавая универсальную теорию контроля сознания. Психологический разбор его методов показывает выраженную склонность к свехобобщениям. Хассан исходит из презумпции, что механизмы, действовавшие в Церкви Объединения в семидесятых годах, применимы ко всем без исключения новым религиозным движениям, политическим партиям или даже корпоративным структурам. Эта интеллектуальная экспансия позволяет ему бесконечно расширять рынок сбыта своих услуг. Если любое влияние можно квалифицировать как «промывание мозгов» по модели BITE, то потенциальная клиентская база становится практически безграничной. Однако именно здесь кроется главный методологический изъян: Хассан подменяет научный анализ феномена личной проекцией, превращая свою индивидуальную историю в универсальный шаблон психической нормы и патологии.

Критики из академической среды неоднократно указывали на догматизм Хассана, особенно в вопросах использования гипноза и формирования фобий. Его утверждение о том, что все члены деструктивных культов страдают от наведенных фобий, а все группы без исключения практикуют скрытый гипноз, не находит подтверждения в независимых эмпирических исследованиях. С точки зрения профессиональной психологии, такая позиция выглядит как навязывание диагноза ради последующей продажи курса лечения.

Хассан создает проблему — «универсальную культовую травму» — и тут же предлагает единственный сертифицированный способ ее решения. Зато такой подход делает его методологию неуязвимой для рациональной критики: любые возражения со стороны ученых-религиоведов или психиатров трактуются им как признак их некомпетентности или скрытой

аффилированности с культами. В этом проявляется создание черно-белой картины мира, где спасение возможно только через следование определенной доктрине, автором которой является он сам.

К 2017 году деятельность Freedom of Mind вышла далеко за пределы узкой ниши религиозных групп, что вызвало новую волну критики и этических вопросов. Попытки Хассана применить модель BITE к политическим процессам продемонстрировали его готовность использовать профессиональный статус для достижения любых идеологических целей. С коммерческой точки зрения этот маневр был безупречен: в условиях снижения интереса к традиционным сектам Хассан нашел новый, колоссальный по объему рынок. Однако это окончательно подорвало его репутацию как объективного исследователя.

Политизация экспертизы превратила его деятельность в моральный крестовый поход, который одновременно является основным источником дохода. Это создает неразрешимый этический конфликт интересов, где эксперт прямо заинтересован в радикализации общественного дискурса и поиске «культовых признаков» в любых массовых движениях. Претензии к Хассану со стороны научного сообщества, включая таких исследователей как Эвелин Шуп и Дэвид Бромли, часто фокусируются на его отказе признавать сложность человеческой мотивации. Его модель лишает адептов субъектности, представляя их исключительно как пассивных жертв манипуляции, что упрощает реальность ради удобства маркетинга.

Отсутствие экспертных показаний Хассана в судах, на что указывали профильные ресурсы, подчеркивает разрыв между его медийным статусом «гуру по выходу» и признанием в строгой академической и юридической среде. В суде требуются доказательства, в то время как в медиа и частном консалтинге достаточно убедительного нарратива и бренда. Freedom of Mind представляет собой не столько научный центр, сколько эффективную машину по производству специфического типа знания, где коммерциализация является не побочным продуктом, а фундаментом. Помощь организована как бизнес и направлена не столько на исцеление

индивида, сколько на поддержание монополии на определение того, что является свободным мышлением, превращая саму идею свободы в лицензированный продукт.

Что касается более углубленного разбора модели BITE, предложенной Стивеном Хассаном, то за десятилетия своего существования она превратилась из частной психологической концепции в мощнейший инструмент публичной риторики, определяющий границы между нормой и аномалией в коллективном сознании. Сама аббревиатура, объединяющая контроль поведения (Behavior), информации (Information), мышления (Thought) и эмоций (Emotional), функционирует как удобный мнемонический код, который легко усваивается широкой аудиторией, журналистами и политиками. В публичном пространстве эта модель выполняет роль упрощенного классификатора, позволяющего мгновенно навесить клеймо на любую социальную группу. Основная сила BITE в медийном поле заключается в её способности превращать многогранные социологические феномены в понятный чек-лист, где наличие нескольких галочек автоматически переводит организацию в разряд деструктивных культов.

Как отмечает Массимо Интровинье в своих критических статьях 2025 и 2026 годов, BITE работает не столько как аналитический метод, сколько как риторический механизм клеймения оппонентов. Популярность модели обусловлена её бинарностью: она предлагает четкое разделение лишь на «свободное» и «контролируемое» сознание, игнорируя серые зоны социального влияния, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни.

Публичная риторика Хассана и его последователей строится на идее, что «неправомерное влияние» можно как-то измерить математически, что создает иллюзию объективности там, где на самом деле господствует субъективная интерпретация. Вследствие чего, BITE становится не просто картой для навигации, а средством для формирования общественного

мнения, позволяющим обходить сложные дискуссии о свободе совести и индивидуальном выборе в пользу упрощенных ярлыков.

Для человека, не обладающего глубокими знаниями в области социальной психологии или социологии религии, модель BITE выглядит как безупречное логическое построение. Её убедительность коренится в нескольких мощных когнитивных механизмах, среди которых центральное место занимает эффект Барнума — склонность людей принимать общие и расплывчатые утверждения как высокоточные описания конкретной реальности.

Когда неспециалист читает пункты о «контроле над диетой», «использовании особого языка» или «манипуляции чувством вины», он неизбежно находит подтверждение этим признакам в любой группе, которую он по тем или иным причинам воспринимает как подозрительную. Это создает ощущение прозрения: модель дает слова для описания интуитивного дискомфорта, легитимизируя его под маской научной классификации.

Дополнительным фактором убедительности является личный авторитет Стивена Хассана. Психологический механизм доверия здесь работает через идентификацию: если человек прошел через это сам и получил опыт, значит, его схема истинна. Однако, как справедливо замечала Кэтлин Манн, такая «Хассанология» создает изолированную ячейку, где личный опыт возводится в ранг универсального закона, не требующего статистической проверки.

Неспециалисту импонирует отсутствие сложных оговорок и нюансов, характерных для настоящей науки. Модель предлагает простые ответы на пугающие вопросы о том, как люди попадают под влияние, обеспечивая психологический комфорт через иллюзию контроля над ситуацией. Знание «секретных приемов» контроля, описанных в BITE, дает человеку ложное чувство защищенности, что делает концепцию крайне привлекательной на рынке популярной психологии.

Сила модели BITE заключается в её исключительных нарративных качествах: она рассказывает захватывающую и морально однозначную историю о борьбе света и тени, разума и манипуляции. BITE опирается на классическую традицию теорий «промыывания мозгов», заложенную Робертом Лифтоном и Маргарет Сингер. Хассан блестяще адаптировал жесткие критерии Лифтона под современные реалии, создав историю о тотальном захвате человеческой личности. В этом сценарии индивид всегда выступает как пассивная жертва внешних технологий, что снимает с него ответственность за принятые решения и делает сюжет более драматичным. Этот нарратив обладает высокой степенью виральности, так как он апеллирует к архетипическому страху потери самости. Модель BITE описывает мир как пространство скрытых угроз, где за любой благовидной маской может скрываться «хищник», использующий контроль поведения и информации. Такая структура повествования идеально ложится в канву документальных фильмов и журналистских расследований, где требуется четкий конфликт и понятный враг. Сила BITE как истории заключается в том, что она предлагает искупление: осознание модели якобы ведет к автоматическому освобождению. Однако именно эта нарративная гладкость и является признаком того, что перед нами скорее мифологическая структура, чем научная теория. Она объясняет слишком много и слишком легко, подменяя глубокое исследование динамики человеческих отношений ярким, но упрощенным сценарием триллера о «похитителях тел».

При рассмотрении модели BITE через призму строгой академической методологии обнаруживаются фундаментальные изъяны, которые позволяют критикам называть её «псевдонаукой». Главная слабость заключается в отсутствии фальсифицируемости — критерия, по которому любая научная теория должна допускать возможность своего опровержения. Пункты BITE сформулированы настолько эластично, что практически невозможно найти группу, которая не подошла бы под определение «высокого контроля» при желании исследователя. Если группа проявляет лояльность — это контроль эмоций; если она имеет

внутренние правила — это контроль поведения; если она учит своей доктрине — это контроль мышления. В таких условиях оценки любое человеческое объединение становится потенциальным культом, что лишает инструмент диагностической ценности.

Кэтлин А. Манн в своих работах подчеркивала, что модель BITE является философским конструктом, а не эмпирически доказанным фактом. Она указывала на то, что Хассан игнорирует десятилетия социально-психологических исследований, которые демонстрируют гораздо более сложную картину человеческого согласия и подчинения. Научная методология требует учета индивидуальных различий, контекста вступления в группу и динамики выхода из неё, в то время как BITE предлагает статичную и одностороннюю картину. Более того, модель не прошла должной процедуры рецензирования в ведущих академических журналах. Диссертация Хассана 2021 года, хотя и содержит статистические показатели вроде альфы Кронбаха, подвергается жесткой критике за то, что она лишь измеряет внутреннюю согласованность его собственных убеждений, а не объективную реальность. Отсутствие связи с большой наукой делает BITE скорее второстепенным инструментом, который успешно продается как экспертное знание, но рассыпается при столкновении с независимой проверкой данных.

Центральным аргументом критиков модели BITE является её поразительная универсальность, которая граничит с абсурдом. Если мы начнем последовательно применять критерии контроля поведения, информации, мышления и эмоций к общепризнанным социальным институтам, границы между «деструктивным культом» и «нормальным обществом» начнут стремительно исчезать. Возьмем, к примеру, регулярную армию. Здесь мы увидим тотальный контроль поведения: жесткий распорядок дня, регламентацию одежды, питания и даже сна. Информационный контроль в армии проявляется в ограничении доступа к внешним источникам во время учений и строгой иерархии передачи приказов. Контроль мышления реализуется через присягу и постоянное повторение уставов, а эмоциональный контроль — через культивацию

гордости за подразделение и страх перед трибуналом. Однако наличие этих признаков не делает армию деструктивным культом, так как эти механизмы необходимы для выполнения специфических задач в рамках легитимного государственного института.

Аналогичная логика применима к жесткой корпоративной культуре крупных технологических гигантов. Требование полной лояльности бренду, использование внутреннего жаргона (тот самый «загруженный язык» по Хассану), многочасовые тренинги по тимбилдингу, которые манипулируют эмоциями сотрудников, и фильтрация корпоративной информации — всё это укладывается в схему BITE. Даже традиционная семья может быть описана через эти пункты: родители контролируют диету детей, фильтруют их окружение и информацию из интернета, формируют систему ценностей (контроль мышления) и используют механизмы поощрения и наказания для регуляции эмоций. Если следовать букве BITE, то любая семья с сильными традициями или любая политическая кампания, использующая эхо-камеры в социальных сетях, должна быть признана опасной сектой. Эта размытость девальвирует само понятие «деструктивности», превращая модель в универсальное оружие против любого коллективизма, который не вписывается в рамки радикального индивидуализма.

Методологическая база, на которой Хассан пытался обосновать валидность своей модели в диссертации 2020 года, страдает от фундаментальной ошибки, известной как предвзятость подтверждения (confirmation bias). Исследование Хассана опиралось на так называемую самостоятельно отобранную выборку (self-selected sample), состоящую из бывших членов групп, которые уже идентифицировали себя как жертвы «контроля сознания». Интровинье сравнивает такой подход с опросом клиентов парикмахерской о том, нужно ли людям чаще стричься: результат предсказуем и не имеет научной ценности. Опрашивая в основном тех, кто уже усвоил риторику антикультового движения и рассматривает свой прошлый опыт исключительно как результат «промывания мозгов», Хассан получает лишь подтверждение своего

собственного нарратива, а не объективную картину функционирования групп.

Научная достоверность требует наличия контрольных групп — людей, которые состоят в тех же организациях и чувствуют себя счастливыми, или тех, кто покинул группы по идейным соображениям, не считая себя жертвами манипуляции. Без сравнения с контрольной группой невозможно утверждать, что описанные в BITE практики ведут к деструктивным последствиям. Хассан же фактически игнорирует тот факт, что часть людей, сталкивающихся с элементами контроля в религиозных или политических группах, либо успешно адаптируются к ним, либо покидают группу без психологических травм. Его методология игнорирует активную роль личности и её способность к критическому восприятию, сводя всё многообразие человеческого опыта к одномерной модели «стимул-реакция». В итоге диссертация превращается в упражнение по самореференции, где автор доказывает истинность своих предположений, опрашивая тех, кто в эти предположения уже верит.

В конечном счете модель BITE следует рассматривать не как научный метод, а как «карту подозрения», которая отражает определенную социально-политическую повестку. Она не измеряет уровень принуждения в группе, а служит моральным фильтром, позволяющим выявлять и маркировать сообщества, чьи взгляды или образ жизни противоречат личным предпочтениям исследователя или доминирующему социальному порядку. Это превращает психологию в средство цензуры и социального инжиниринга, где любое несогласие с «нормой» может быть объявлено следствием неправомерного влияния. Современная научная литература подчеркивает, что вера в автоматическую и необратимую смену личности под влиянием групповых техник не имеет под собой физиологических и психологических оснований. BITE игнорирует социальный контекст, экономические факторы и добровольный поиск смысла, который приводит людей в различные организации. Вместо глубокого анализа того, почему люди ищут общность и структуру в хаотичном мире, модель предлагает бесконечное расширение списка

«подозрительных признаков». В этом смысле BITE — это не путь к пониманию, а способ закрыть дискуссию, заменив исследование обвинением. Как карта, она указывает не на реальные опасности, а на зоны, которые кажутся автору чуждыми, превращая науку в служанку идеологии подозрительности.

Так что же получается? За фасадом гуманистической заботы о психическом здоровье скрывается глубоко дегуманизирующая методология, низводящая сложную человеческую личность до уровня примитивного биологического автомата. Трактовка любого поведения, информации или эмоции исключительно через призму внешнего «контроля» лишает индивида его субъектности и интеллектуального достоинства. Человек перестает быть автором собственной жизни, а его убеждения и акты воли обесцениваются, превращаясь в механический набор реакций на манипулятивное воздействие.

Такой подход фактически отменяет право личности на самостоятельный поиск смысла, постулируя, что любой выбор, не вписывающийся в узкие рамки одобренной «нормы», является лишь следствием успешного программирования. Этот процесс сопровождается выстраиванием жесткой интеллектуальной иерархии, в которой Стивен Хассан позиционирует себя как особо уполномоченного «просветленного» эксперта, обладающего монополией на истину и право расшифровывать чужое сознание. Риторика автора создает непреодолимую дистанцию между теоретиком-спасателем и «запрограммированными» массами, которые априори считаются неспособными к рефлексии. Подобная позиция не только исключает возможность равноправного диалога, но и превращает психологию в инструмент господства, где аналитик наделяется властью выносить окончательные вердикты о подлинности чужого «Я», превращая частный опыт в объект административного и социального контроля.

На масштабном социальном уровне модель BITE выступает рабочим инструментом разделения, внедряя культуру тотального подозрения в семьи и сообщества. Она подрывает базовое доверие между людьми,

принуждая видеть в любом мировоззренческом отличии признаки «культизма». Вместо того чтобы содействовать пониманию и интеграции, данная методология провоцирует атомизацию общества, превращая близких людей в объект наблюдения и манипуляции. Экспансия подобных концепций в политическую сферу представляет прямую угрозу демократии целых стран. Отчуждение оппонентов через клеймо «жертв контроля сознания» разрушает пространство гражданского диалога и легитимизирует преследование целых групп населения. Такой процесс ведет к эрозии демократических свобод и дестабилизации государств, подменяя поиск общественного консенсуса агрессивным социальным инжинирингом, маскирующимся под научную экспертизу.

Теория «промывания мозгов» или brainwashing в ее классическом понимании обещает нечто большее, чем простое объяснение перемены убеждений; она претендует на роль универсального ключа к пониманию человеческой радикализации и конформизма в закрытых группах. В своей основе эта концепция постулирует возможность полной или частичной деструкции личности субъекта с последующей записью новой «программной оболочки», которая полностью подчинена воле внешнего манипулятора. Привлекательность этой идеи заключается в ее механистичности и детерминизме. Если мы принимаем гипотезу о том, что сознание может быть взломано подобно компьютерному коду, то социальные проблемы, связанные с деструктивным поведением групп, переходят из плоскости сложного социологического и теологического анализа в плоскость психопатологии и технологии. Теория обещает родителям, чьи дети ушли в непопулярные религиозные движения, и обществу, столкнувшемуся с ростом новых идеологий, простое и утешительное объяснение: человек не выбирал этот путь добровольно, его воля была «украдена».

С точки зрения апологетов данной теории, «промывание мозгов» представляет собой процесс, состоящий из четких этапов — от дестабилизации личности и создания острого чувства вины до

идентификации с агрессором и формирования новой идентичности. Это обещание технологической предсказуемости процесса обращения делает теорию «промывания мозгов» крайне востребованным инструментом социальной навигации. Она позволяет провести четкую демаркационную линию между «нормальным» религиозным опытом, основанным на свободном выборе, и «культовым» опытом, который якобы является результатом психического насилия. Таким образом, теория берет на себя функцию защиты социального порядка, объявляя любые радикальные отклонения от общепринятых норм результатом внешнего пагубного воздействия, а не внутренним поиском или осознанным решением индивида. Однако именно эта обещаемая «простота» стала главным объектом критики со стороны серьезной академической науки, которая видит в подобном подходе упрощение сложной структуры человеческой психики и игнорирование субъектности личности.

Для антикультового движения (АКД) теория «промывания мозгов» стала не просто научной гипотезой, а фундаментом всей их деятельности, идеологическим стержнем и главным оправданием радикальных методов вмешательства. Основная причина этой притягательности кроется в юридических и этических последствиях признания факта «контроля сознания». Это позволяет антикультовому движению ставить диагнозы всем неугодным религиозным и социальным организациям. Вместо того чтобы вступать в открытые дискуссии или оспаривать политические взгляды, АКД получило возможность клеймить группы как «деструктивные культы» или «секты», использующие запрещенные методы воздействия на психику. Это создавало удобный механизм для мобилизации общественного мнения и давления на государственные институты. Как отмечал Массимо Интровинье, теория «промывания мозгов» выполняла функцию секулярного экзорцизма, где на место бесов пришли психологические техники, а на место священника — эксперт по «выходу из культа». Для семей, переживающих разрыв с близкими, эта теория служила механизмом снятия когнитивного диссонанса: она избавляла их от необходимости анализировать внутрисемейные

конфликты или причины недовольства близкого человека традиционным обществом, перекадывая всю ответственность на «зловещие» технологии группы. Таким образом, теория «промывания мозгов» стала социально-политическим конструктом, обслуживающим интересы определенных групп влияния, стремившихся к уничтожению новых религиозных движений.

Несмотря на популярность в медийной среде и среди активистов, академическое сообщество и судебные системы западных стран проявили значительный скептицизм в отношении концепции «промывания мозгов». Поворотным моментом в этом противостоянии стал 1987 год, когда Американская психологическая ассоциация (АРА) выпустила меморандум, отклоняющий отчет Целевой группы по обманным и косвенным методам убеждения и контроля (DIMPAC). В данном документе Совет по социальной и этической ответственности в психологии прямо заявил, что отчету DIMPAC, подготовленному под руководством Маргарет Сингер, «не достает научной строгости и беспристрастного критического подхода». АРА подчеркнула, что теория «промывания мозгов» не является общепринятой научной концепцией, а методы, описанные Сингер, представляют собой скорее «сенсационные спекуляции», чем доказанную психологическую теорию. Это решение лишило сторонников теории «контроля сознания» научной легитимности, на которую они так рассчитывали.

Юридическое закрепление этого научного отказа произошло в рамках дела «США против Фишмана» (1990). В этом процессе федеральный суд Калифорнии, руководствуясь стандартом Фрая, отказался принимать свидетельские показания экспертов по «промыванию мозгов» (включая Маргарет Сингер и Ричарда Офше). Суд постановил, что их теории не имеют широкого признания в научном сообществе и основываются на искаженных данных. Судья подчеркнул, что концепция, согласно которой человек может совершать преступления исключительно под воздействием «контроля сознания» в религиозной группе, не выдерживает критики. Это решение создало мощный прецедент, фактически закрыв двери

американских судов для «экспертов-антикультистов». Академические исследователи, такие как Эйлин Баркер и Лорн Доусон, представили убедительные доказательства того, что процесс вступления в новые религиозные движения носит добровольный характер. Баркер в своей классической работе «The Making of a Moonie» эмпирически доказала, что подавляющее большинство людей, посещавших семинары Церкви Объединения, не только не становились членами группы, но и те, кто присоединялся, зачастую покидали ее в течение первых двух лет. Это полностью опровергало тезис о «непреодолимости» и «необратимости» техник «промывания мозгов».

Фундаментальная ошибка теоретиков «промывания мозгов» заключалась в некорректном сопоставлении работ Эдгара Шейна, Лоуренса Хинкля и Гарольда Вольфа с ситуацией в религиозных группах. Шейн, Хинкль и Вольф исследовали опыт американских военнопленных в корейских лагерях, где воздействие осуществлялось в условиях физического принуждения, пыток, изоляции и прямой угрозы смерти. Дик Энтони и Томас Роббинс в своих работах справедливо указывали на то, что перенос моделей, разработанных для ситуаций государственного террора и тюремного заключения, на добровольные религиозные объединения является методологически несостоятельным. В религиозных группах отсутствует фактор физического насилия как основного двигателя «переубеждения», что делает термин «принудительное убеждение» (coercive persuasion) неприменимым в его изначальном смысле. Академический консенсус сложился вокруг идеи, что обращение в НРД следует рассматривать через призму нормальной групповой динамики, социализации и индивидуального поиска смысла, а не через призму психопатологического захвата.

Дик Энтони, судебный психолог и ведущий эксперт по «промыванию мозгов», осудил Хасана за распространение лженауки:

Сторонники теории культового промывания мозгов, такие как Стивен Хассан, появлялись в ток-шоу на телевидении, утверждая, что [жертва похищения] подверглась промыванию мозгов способом, аналогичным

тому, который использовался для принудительного обращения Патти Херст в ряды Симбионистского фронта освобождения [СЛА]... Теория культового промывания мозгов в целом отвергается академическим сообществом как псевдонаучный миф, окончательно опровергнутый на основе авторитетных исследований принудительного убеждения со стороны коммунистов, а также общепринятых исследований, демонстрирующих, что люди обращаются в нетрадиционные религии добровольно.

Термин «mind control» (контроль сознания) часто используется как более мягкий синоним «промывания мозгов», однако в академической среде он воспринимается как еще более расплывчатое и методологически слабое понятие. Основная проблема заключается в невозможности четкой операционализации этого термина. Не существует объективных критериев, позволяющих отличить «интенсивное социальное влияние» от «контроля сознания». Любая форма образования, воспитания или политической агитации включает в себя элементы убеждения и изменения установок. Дик Энтони подчеркивал, что использование термина «mind control» позволяет обвинителям произвольно выбирать «неправильные» группы и объявлять их методы воздействия незаконными, в то время как аналогичные методы в армии, монастырях или корпоративных структурах признаются нормальными.

Политическое удобство понятия «mind control» особенно ярко проявляется в контексте международного права и защиты прав человека. Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в своих отчетах неоднократно указывала на опасность использования антикультовой риторики и концепций «промывания мозгов» как инструментов государственного давления на религиозные меньшинства. В частности, в России и некоторых странах Европы эти термины использовались для легитимации запрета деятельности групп, которые не нарушали уголовного кодекса, но чьи убеждения казались государству странными или нежелательными. Решение Европейского суда по правам

человека (ЕСПЧ) 2010 года по делу «Свидетели Иеговы Москвы и другие против России» стало важной вехой в этом вопросе.

Суд детально проанализировал аргументы о «ненадлежащем влиянии» (undue influence) и «подсознательном принуждении» и пришел к выводу, что российские суды не представили никаких доказательств реального принуждения. ЕСПЧ подчеркнул, что свобода религии включает право убеждать других и право личности следовать строгим религиозным предписаниям по своей воле, даже если это кажется окружающим неразумным. Таким образом, концепция «undue influence», пришедшая из контрактного права, в контексте религии показала себя как инструмент, который может быть легко использован для дискриминации. Понятие «контроля сознания» сегодня рассматривается не как описание объективной реальности, а как социополитический конструкт, предназначенный для управления культурными границами. Джеймс Ричардсон и Массимо Интровинье указывают, что «миф о промывании мозгов» служит защитным механизмом для доминирующих институтов общества, позволяя им игнорировать глубокие экзистенциальные и социальные причины, толкающие людей к поиску альтернативных систем верований. Когда научный дискурс подменяется идеологическим, понятие «mind control» становится ярлыком, лишаящим оппонента права голоса и субъектности, что противоречит фундаментальным принципам научной беспристрастности.

Стивен Хассан занимает в этом многолетнем конфликте уникальное и одновременно крайне спорное положение. С одной стороны, он позиционирует себя как ведущий мировой эксперт по «выходу из культов», с другой — его методология и теоретическая база находятся в прямом противоречии с академическим консенсусом последних сорока лет. Хассан фактически реанимировал и популяризировал идеи Маргарет Сингер и других теоретиков антикультового движения 70-х годов, упаковав их в более современную и доступную форму своей модели BITE. Несмотря на смену терминологии, в основе его подхода лежат те же самые предпосылки о «контроле сознания» и «деструктивном влиянии», которые

были отвергнуты АРА в 1987 году и судом по делу Фишмана в 1990-м. Деятельность Хассана является ярким примером «экспертности вне науки». Его модель ВІТЕ страдает от той же проблемы, что и отчет DIMPAC: отсутствия четких критериев и научной строгости. Наиболее показательным в этом контексте является юридическое поражение Хассана в деле *Kendall v. Kendall*. Судья Кристина Хармс в Массачусетсе не просто отказалась полагаться на его мнение, но и аннулировала его статус эксперта в вопросах «культов и контроля сознания».

Критический разбор кейса Хассана в 2026 году показывает, что его экспертность строится на зыбком фундаменте. Несмотря на наличие докторской степени, полученной им значительно позже начала карьеры депрограмматора, его методология остается заложницей парадигмы «пассивной жертвы». Хассан продолжает продвигать идею «психологического рабства» в тот момент, когда наука перешла к изучению агентности и свободного выбора индивида в сложных социальных системах. Конфликт вокруг «mind control» — это не просто спор ученых, это борьба за сам язык описания человеческого опыта. Либо мы признаем человека субъектом, способным на выбор (пусть даже странный или непопулярный), либо мы соглашаемся с моделью «взломанного биоробота», что неизбежно ведет к эрозии прав человека и возвращению к практике принудительного психиатрического контроля над убеждениями.

Тезис о провале академического консенсуса в отношении теорий Хассана подтверждается не только судебными решениями, но и тем фактом, что его влияние растет лишь в медийном и административном пространстве, в то время как в серьезных академических журналах по социологии религии его работы игнорируются или упоминаются исключительно в контексте истории антикультового активизма. Спор идет не о деталях модели ВІТЕ, а о том, имеет ли право самопровозглашенный эксперт выступать в роли «арбитра реальности», определяя подлинность чужих убеждений на основе теорий, которые закон и наука признали недействительными еще сорок лет назад.

В этом смысле Хассан стоит на стороне антикультового движения, выполняя роль моста между дискредитированными теориями прошлого и современным рынком психологических услуг. Его экспертность строится на фундаменте понятий, которые суды признали юридически несостоятельными, а академия — псевдонаучными. Этот глубокий разрыв между популярностью Хассана в медиа и его неприятием в серьезных научных кругах подчеркивает системный провал академического консенсуса в его попытке ограничить влияние популистских теорий «промывания мозгов» на общественное сознание. Хассан не просто участник конфликта; он является олицетворением того самого «кризиса рациональности», где политическая и психологическая целесообразность берет верх над доказательной наукой и правовой логикой. Массимо Интровинье, ведущий социолог религии, в своих исследованиях 2026 года указывает на фундаментальное противоречие в позиции Хассана. Интровинье утверждает, что авторитет Хассана как эксперта по-прежнему базируется на его раннем опыте «борьбы с врагом», но сам этот опыт является глубоко дискредитирующим. Критика Интровинье фокусируется на том, что Хассан никогда не приносил публичных извинений своим жертвам 1970-х годов. Он признавал «травматичность» процесса для себя, но никогда не признавал незаконности и аморальности своих действий по отношению к другим.

Личная травма и стремление к успеху Стивена Хассана стали не просто двигателем его профессиональной деятельности, но полностью поглотили личность исследователя, превращая его в заложника собственного прошлого. Несмотря на академические степени и десятилетия практики, Хассан психологически так и не покинул 1970-е годы, время своего пребывания в организации Сан Мён Муна. Для клинического аналитика это выглядит как классический случай незавершенной сепарации от травмирующего объекта. Его психика нуждается в постоянном присутствии «враждебного культа», чтобы оправдывать собственное существование и поддерживать структуру

«эго», выстроенную вокруг идеи освобождения. Его деятельность — это не столько научный поиск, сколько бесконечный процесс самотерапии, вынесенный в публичное пространство, где роль «злобного Мессии» поочередно играют различные политические и общественные фигуры.

В своей книге «The Cult of Trump», и особенно в её 11-й главе, Хассан совершает радикальный переход от изучения религиозных течений к анализу глобальных политических процессов. Это масштабный психологический перенос. Механизм этой проекции очевиден: Хассан видит в Трампе те же черты «нарциссического лидера», которые он когда-то приписывал своему «Мессии». Однако психологическая проблема здесь глубже, чем простое сравнение. Хассан отказывает миллионам избирателей в субъектности, объявляя их «промытыми мозгами». Это удобная психологическая защита: вместо того чтобы анализировать сложные социально-экономические причины поддержки политика, Хассан сводит всё к «психологическому похищению». Он яростно обесценивает чужой выбор, что позволяет Хассану сохранять позицию интеллектуального и морального превосходства по схеме: он «знает истину», а остальные — лишь жертвы манипуляций. В главе 11 он расширяет эту схему на QAnon, превращая политические заблуждения или радикальные взгляды в клинический диагноз. Это движение от конкретной травмы к тотальному объяснению общества является маркером грандиозности — автор берет на себя роль «психотерапевта нации», не имея на то ни мандата, ни объективных оснований.

QAnon («кью-анон») — распространённая в США теория заговора и политическое движение среди американских ультраправых, возникшие во времена первого президентства Дональда Трампа.

Переход Хассана к обсуждению QAnon и современных онлайн-сообществ выявляет ещё одну темную сторону его подхода — легитимизацию идеи «депрограммирования» в политическом контексте. Хассан предлагает подходить к политическим оппонентам как к пациентам, требующим лечения. В психологическом плане это чрезвычайно опасная позиция. Она стирает грань между добровольной

терапией и идеологическим перевоспитанием. Когда Хассан говорит об «этическом методе контрвлиания», он фактически предлагает систему мягкого психологического давления, направленную на разрушение идентичности человека и замену её «правильными» взглядами. Но какими «правильными взглядами» и кто их определяет? Проблема здесь в том, что критерием «правильности» выступает сам Хассан и его специфическое мировоззрение. Идея о том, что сторонники Трампа или QAnon «потеряли свою аутентичную личность», предполагает наличие у Хассана доступа к некоему эталону этой самой «аутентичности». Это проявление мессианского комплекса: автор верит, что он может и должен возвращать людей к «истинному Я», которое, по странному совпадению, всегда согласуется с его собственными убеждениями.

В статьях Undark справедливо указывается, что наука о контроле сознания слишком тонка, чтобы оправдывать подобные интервенции. Хассан же игнорирует этические риски, превращая психологическую помощь в инструмент политической борьбы.

Анализ поздних работ Хассана, включая его высказывания о «трансгендерном гипнопорно» как средстве контроля сознания, показывает тревожную динамику: его теории становятся всё более конспирологическими и всеохватывающими. Это классический путь человека с неразрешенным мессианским комплексом. Когда-то он хотел спасти мир вместе с Муном, теперь он хочет спасти мир от фигур, подобных Муну. Сама структура его психической активности осталась прежней — это поиск «скрытых механизмов контроля» и предложение «единственно верного пути к спасению». Стигматизация чужой лояльности становится для него способом утверждения собственной власти. Если вы верны лидеру, который не нравится Хассану, — вы больны, вами манипулируют. Такая позиция исключает возможность честного диалога, так как любая аргументация оппонента заранее объявляется «продуктом индоктринации».

Хассан создает свое собственное идеологическое направление, где он является высшим арбитром реальности. Это превращает его

антикультовый язык в форму тоталитарного дискурса, где любое несогласие объясняется через психическую несамостоятельность несогласного. Его грандиозность проявляется в том, что он готов принести в жертву сложность человеческой психики и многообразие социальных связей ради стройности своей параноидальной модели контроля. «The Cult of Trump» и особенно его попытки связать Мунитов с современными политическими движениями — это не научный труд, а развернутый клинический документ, свидетельствующий о глубоком психологическом неблагополучии автора. Психологические несостыковки в аргументации Хассана, а также отсутствие эмпирической базы и использование манипулятивных техник для доказательства вреда манипуляций создают парадоксальную картину: борец с культами сам начинает использовать методы, характерные для объектов его критики. Он предлагает миру не освобождение, а свою собственную систему контроля, упакованную в терминологию психологической помощи.

Но действительно ли эта инициатива принадлежит ему, или же Хассан защищает чьи-то интересы?

Глава 5. Связь с российским маньяком

Современная карта глобального влияния редко ограничивается лишь политическими альянсами или экономическими соглашениями. Глубоко под поверхностью официальной дипломатии пульсирует иная сеть — интеллектуальная и идеологическая паутина, связывающая радикальных идеологов в России с респектабельными медиа-гигантами в самом сердце Лондона. Это расследование раскрывает механизмы работы глобального антикультового лобби, где фигуры Стивена Хассана и Александра Дворкина выступают не просто как эксперты, но как исполнители новой системы социального исключения. Исследуя материалы Soteria International и расследования Bitter Winter, было обнаружено, что за

фасадом защиты прав человека скрывается жесткая структура, стремящаяся монополизировать понятие истины и навязать государственным институтам псевдонаучные концепции контроля над разумом. Эта сеть, простирающаяся от московских кабинетов РАЦИРС до редакций BBC, представляет собой уникальное сочетание восточного авторитаризма и западных технологий манипуляции общественным мнением.

Стивен Хассан и Александр Дворкин на первый взгляд кажутся антиподами: один — либеральный американский психолог, другой — радикальный православный активист. Однако их жизненные пути демонстрируют поразительное структурное сходство. Психологический портрет обоих деятелей демонстрирует крайний догматизм и нетерпимость к любой научной или религиозной альтернативе. Их риторика пропитана языком дегуманизации: Дворкин сравнивает неудобные организации с раковыми клетками, требующими хирургического удаления, в то время как Хассан через свою модель BITE выстраивает систему тотальной классификации человеческого поведения, где любая преданность идее может быть заклеена как патология. Это не просто экспертная позиция, это мессианство, в котором эксперт становится единственным арбитром нормальности.

Связи между Хассаном и Дворкиным прослеживаются через общую международную антикультовую среду, конференции и круг переводчиков, популяризаторов и экспертов. Хроника их публичных пересечений показывает, как американские концепции “контроля сознания” постепенно проникали в российский антикультовый дискурс. Они фигурировали в одном профессиональном поле, связанном с AFF/ICSA и другими антикультовыми площадками. Эти площадки стали каналом обмена идеями, где американская модель психологического контроля встречалась с российской риторикой борьбы с «тоталитарными сектами». Важной вехой стала конференция в Торонто в 2015 году, где Хассан и Дворкин оказались среди участников одного антисайентологического мероприятия.

Особое внимание заслуживает вопрос интеллектуального влияния и заимствования терминологии. Александр Дворкин в своей программной книге «Десять вопросов навязчивому незнакомцу» фактически скопировал целые главы из трудов Хассана, адаптируя американскую терминологию под российские реалии. Хассан, в свою очередь, был связан с российской аудиторией через Евгения Волкова, который переводил и распространял его работы на русском языке.

Звеном в распространении этого влияния на Запад стала Александра Стейн. Бывшая активистка леворадикальной группировки в США, Стейн прошла путь, аналогичный Хассану, превратив свою личную историю в инструмент политического влияния. Она стала проводником идей РАЦИРС в Великобритании, создав своего рода идеологический мост между Москвой и Лондоном. Если Дворкин в России действовал через административные ресурсы и православный фундаментализм, то Стейн выбрала более тонкую стратегию — внедрение в академические и медийные круги под видом объективного исследователя.

Роль Александры Стейн в этой сети невозможно переоценить. Она стала интеллектуальным эмиссаром Дворкина, адаптируя его агрессивную антикультовую риторику для западного уха. Вместо прямолинейных обвинений в ереси, которые привычны для РАЦИРС, Стейн начала использовать язык социальной психологии, проталкивая те же идеи исключения через концепцию принудительного контроля. Эта связка позволила антикультовому лобби выйти за пределы маргинальных групп и начать влиять на государственную политику Великобритании.

Стейн и Дворкин создали структуру, в которой любая религиозная организация, не вписывающаяся в их узкие рамки дозволенного, объявляется угрозой национальной безопасности или психическому здоровью нации. Одним из самых тревожных аспектов деятельности этой сети стал фактический захват медийного пространства Британии, и в частности, корпорации BBC.

Анализ материалов BBC за последние десять лет показывает поразительную трансформацию: из независимого арбитра

телерадиовещательная компания превратилась в рупор антикультовой пропаганды. Технология этого внедрения была филигранной. Александра Стейн позиционировала себя как безальтернативный эксперт, чье мнение не требует проверки. В результате ее тесных связей с редакторами, репортажи BBC начали удивительным образом копировать нарративы Дворкина. В программах BBC стали регулярно появляться ссылки на российские структуры РАЦИРС как на надежные и авторитетные источники. Это привело к ситуации, когда британский налогоплательщик фактически оплачивал трансляцию идей, зародившихся в недрах радикальных российских антикультовых центров.

Дискредитация неугодных организаций проводилась по единому сценарию: сначала следовал вброс от дружественных журналистов, затем появлялась Стейн или Хассан с «экспертным» заключением, а в качестве доказательной базы приводились отчеты организаций, связанных с Дворкиным. Такая модель медийного сопровождения позволила антикультистам создавать иллюзию общественного консенсуса там, где на самом деле имела место спланированная кампания по дезинформации.

Центральным узлом этой сети в Европе долгое время оставалась организация FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектах. Финансируемая французским правительством, эта структура стала идеальным прикрытием для деятельности Дворкина, который в течение многих лет занимал пост ее вице-президента. Через FECRIS российское антикультовое лобби получило доступ к европейским трибунам, распространяя модель симфонии государства и религии. Эта модель подразумевает, что государство должно активно вмешиваться в духовную жизнь граждан, подавляя любые альтернативные движения в интересах доминирующей идеологии. FECRIS использовалась для системной дискредитации оппонентов по всей Европе. Любой ученый или правозащитник, осмелившийся критиковать теорию промывания мозгов, немедленно объявлялся агентом культов.

Деятельность организации в последние годы приобрела отчетливый геополитический оттенок. Александр Дворкин и его российские филиалы открыто использовали платформу организации для поддержки агрессивной политики, заявляя, что за сопротивлением Украины стоят таинственные культы. Это привело к глубокому кризису внутри самой федерации, обнажив истинное лицо антикультизма как способа авторитарного режима, который не признает границ и готов жертвовать принципами демократии ради сохранения своего влияния.

В Великобритании основным оплотом этой сети стала организация Family Survival Trust, ранее известная как FAIR. История этой структуры наглядно демонстрирует эволюцию антикультового движения от групп самопомощи до агрессивных лоббистских центров. В 2022 году организация оказалась в эпицентре скандала из-за своей попытки протащить концепцию промывания мозгов в британское законодательство о принудительном контроле. Под руководством Александры Стейн был подготовлен отчет, который ученые и правозащитники охарактеризовали как интеллектуальное мошенничество. Цель была предельно ясна: расширить юридическое определение принудительного контроля, которое сейчас применяется в основном к домашнему насилию, на любые религиозные и общественные группы. Это позволило бы криминализировать само право на веру и убеждения, если они не одобряются назначенными экспертами вроде Хассана или Стейн.

Однако поддержка Дворкиным российской агрессии создала для Family Survival Trust непреодолимые репутационные риски. Попытки скрыть связи с FECRIS и РАЦИРС в официальных отчетах провалились, когда вскрылись факты их многолетнего тесного сотрудничества. Раскол внутри организации стал неизбежен, так как часть участников осознала, что под вывеской защиты семей их втягивают в глобальную игру по экспорту нетерпимости.

Связи Стивена Хассана с Александром Дворкиным — это результат глубокого кризиса институтов либеральной демократии, которые оказались уязвимы перед лицом скоординированной атаки радикалов.

Использование методов психологической манипуляции самими антикультистами, их опора на риторику ненависти и тесное сотрудничество с авторитарными режимами ставят под угрозу фундаментальный принцип свободы совести. Как показывают архивы BBC и отчеты независимых наблюдателей, борьба с сектами стала удобным прикрытием для борьбы с инакомыслием в целом.

Исследование методов взаимодействия и работы глобальной антикультовой сети неизбежно подводит к вопросу о психологической устойчивости и моральном облике тех, кто десятилетиями примерял на себя облачения спасателей человеческих душ. Глобальный кризис демократических институтов, ставший питательной средой для экспансии радикальных идеологов, обнажил определенную закономерность: за яростной борьбой за психическое здоровье нации зачастую скрываются глубокие личностные деформации. Если копнуть глубже и проанализировать деятельность таких структур, как РАЦИРС или FECRIS, то перед нами повинятся картина международного конгломерата, во главе которого стоят личности, чей психологический профиль вызывает больше вопросов, чем деятельность тех, кого они преследуют. И это не случайное совпадение.

Центральной фигурой этой теневой империи является уже вышеупомянутый Александр Дворкин, чье прошлое долгое время оставалось за плотной завесой официальной и очень выгодной системе биографии. Однако просочившиеся в открытый доступ архивные документы и медицинские свидетельства рисуют картину, радикально отличающуюся от образа респектабельного профессора и богослова.

История болезни Дворкина, зафиксированная в архивах московской Психиатрической больницы номер четырнадцать и психоневрологического диспансера номер три, является ключом к пониманию всей его последующей деятельности. В период с 1973 по 1977 год будущий лидер антикультового движения находился под наблюдением с диагнозами, которые делают невозможной любую адекватную общественную или экспертную работу. Циклотимия, переходящая в

маниакально-депрессивный психоз, патологическое развитие личности и психофизический инфантилизм — это не просто медицинские термины, а приговор объективности. Свидетельства о том, что пациент слышал навязчивые мелодии в голове и постоянно ощущал чье-то присутствие за спиной, указывают на глубокие галлюцинаторные процессы и параноидальную структуру психики.

Медицинские эксперты, анализируя эти данные, подчеркивают, что подобные состояния требуют пожизненного наблюдения (!) и приема серьезных психотропных препаратов, поскольку полная ремиссия в таких случаях практически недостижима. Это означает, что концепция тоталитарных сект, внедренная Дворкиным в российский и мировой дискурс, родилась в сознании человека, чье восприятие реальности искажено фундаментальными психическими нарушениями. Его одержимость идеей полного контроля и поиском врагов является прямой проекцией его собственных внутренних страхов и галлюцинаций. Но самое страшное скрывается не в диагнозах, а в тех проявлениях садизма, которые начали всплывать по мере ослабления его влияния. Появившиеся разоблачения рисуют картину лидера, который превратил свою организацию в подобие закрытого культа, где практиковались акты ритуализированного унижения.

Свидетельства бывших студентов и подчиненных описывают случаи психологического и физического насилия, принуждения к аморальным действиям и извращенных ритуалов, которые Дворкин выдавал за методы духовного очищения или проверки преданности. Эти факты заставляют по-новому взглянуть на его риторику: когда он сравнивает организации с раковыми клетками, требующими вырезания, он говорит не как ученый, а как человек, черпающий удовлетворение в процессе уничтожения и причинения боли.

Прискорбно, но эта методология деструктивности не ограничивается одной страной. Вот лишь некоторые наглядные примеры из биографии и деятельности антикультистов с других стран.

В Словакии и Чехии заметной фигурой в антикультовой среде является Якуб Яхл, чья деятельность долгое время воспринималась частью общественности как гражданская работа, направленная на защиту людей от деструктивных групп. Однако сообщения о его деятельности в Танзании вызвали серьезные вопросы к его методам, мотивам и личной ответственности. В публичном пространстве звучали обвинения, касающиеся не только финансовых нарушений, но и крайне тяжелых эпизодов обращения с несовершеннолетними. Его связь с сетью Дворкина и FECRIS демонстрирует, что антикультовое движение стало своеобразным убежищем для лиц, которые в любой другой сфере деятельности были бы немедленно изолированы от общества.

На украинском поле аналогичную деструктивную роль присвоила Ирина Кременовская. Ее психологический профиль, скрывающийся за псевдонимом Капибара, демонстрирует поразительное сходство с методами ее российских кураторов. Будучи связанной с РАЦИРС и лично с Дворкиным, она стала основным проводником идей религиозной нетерпимости в Украине, используя при этом самые грязные технологии информационной войны. Кременовская активно применяет методы психологического давления, фальсификации данных и создания цифровых дипфейков для дискредитации оппонентов. Ее деятельность, по сути, является инструментом гибридной агрессии, где религиозная тематика используется для раскола общества и подавления гражданских свобод. Уголовные производства, начатые против нее по фактам разжигания вражды, лишь подтверждают, что ее работа не имеет ничего общего с наукой или правом. Это чистая технология разрушения, движимая личной неприязнью и неестественным стремлением к доминированию.

Практически у каждого из ключевых фигур антикультовой сети мы находим признаки тяжелых психических отклонений, сочетающихся с явным садизмом. Для них антикультовая деятельность стала идеальным легальным способом реализации своих скрытых пороков и желаний, они получают неограниченную власть над человеческими жизнями,

возможность безнаказанно унижать, преследовать и разрушать. Терминология, которую они используют — промывание мозгов, ментальный контроль, депрограммирование — является лишь зеркальным отражением их собственных методов. Они обвиняют других в том, что делают сами, создавая вокруг себя атмосферу страха и сверхподозрительности.

Вернемся к тому факту, что всей этой сложной, многоуровневой структурой фактически заправляет человек с официально задокументированным маниакально-депрессивным психозом и галлюцинациями, потому можно лишь догадываться, что в действительности происходит в скрытых недрах этих организаций. Человек и даже целые сообщества, попавшие в их руки, превращается в материал для реализации их извращенных фантазий о власти.

Вся мировая конструкция антикультизма — это величайший обман современности. Но завеса тайны, которую они тщательно выстраивали десятилетиями, начинает рваться под давлением неопровержимых фактов и свидетельств. В мире появляется все больше информации о реальной сути этих сетей, об их связях с авторитарными режимами и спецслужбами, об их финансовых махинациях и, самое главное, об их истинном «человеческом» лице.

Разоблачение Хассана, Дворкина, Яхла, Кременовской и их многочисленных подельников — это не просто вопрос защиты свободы вероисповедания, это вопрос защиты самой человечности от тех, кто пытается превратить мир в отражение своей собственной безумной и жестокой реальности. Общество начинает осознавать, что те, кто громче всех кричал о спасении, на деле оказались главными палачами, а их помощь была лишь прелюдией к уничтожению человеческого достоинства. Процесс очищения запущен, и никакие медийные манипуляции или политическое прикрытие уже не смогут скрыть леденящую кровь правду о тех, кто слишком долго считал себя безнаказанными властелинами человеческих судеб. Разоблачение этой «группы по интересам» — это первый шаг к возвращению к честному

научному дискурсу и защите прав человека от тех, кто пытается превратить весь мир в зеркальную копию своих собственных авторитарных болезней и фантазий.

Глава 6. Парадокс Хассана

Парадокс Стивена Хассана в современном информационном пространстве являет собой уникальную иллюстрацию того, как грамотно сформированный имидж «спасителя» и ведущего эксперта по деструктивным культурам способен годами скрывать глубокие системные противоречия, связанные как с профессиональной этикой, так и с соблюдением законодательства. В общественном сознании Хассан закрепился как поборник свободы воли, однако биографические данные судебных прецедентов и профессиональной деятельности в штате Массачусетс рисуют гораздо более сложную и неоднозначную картину. Исследование деятельности Хассана сквозь призму архивов форума Cult Education Institute (CEI) и официальных регламентов лицензирования штата Массачусетс позволяет выявить тревожную закономерность: пренебрежение формальными правовыми нормами является не случайным упущением, а логическим продолжением его специфического подхода к профессиональным границам.

Одним из наиболее показательных эпизодов, ставящих под сомнение законопослушность и этическую чистоту Хассана, стала дискуссия, развернувшаяся в начале 2016 года на форуме Института изучения культов. В центре внимания оказалась информация, обнародованная доктором Кэтлин Манн, которая на основе данных из реестра Отдела профессионального лицензирования Массачусетса указала на то, что лицензия Хассана как лицензированного консультанта по психическому здоровью (LMHC) под номером 820 официально значилась как просроченная с первого января того года. Этот факт, на первый взгляд

кажущийся бюрократической мелочью, при глубоком разборе вскрывает серьезную проблему профессионального подлога. В период, когда его статус специалиста был официально недействительным, Хассан продолжал активно рекламировать свои услуги на ресурсе Freedom of Mind, позиционируя себя как лицензированного профессионала, обязанного следовать этическим стандартам Американской ассоциации консультирования.

Критическая значимость этого периода заключается в том, что в штате Массачусетс практика консультирования с просроченной лицензией является не просто административным недочетом, а серьезным юридическим правонарушением. Согласно регламентам Совета по регистрации смежных профессий в области психического здоровья и социальных служб, лицензиат не имеет права вести профессиональную деятельность, если его статус не является «действующим». Более того, законодательство штата предусматривает жесткие санкции за подобные нарушения: если лицензия просрочена более чем на девяносто дней, специалист может быть подвергнут гражданским административным штрафам в размере до двух тысяч пятисот долларов за каждое отдельное нарушение. В контексте Хассана это означает, что каждая консультация, проведенная в период «провисания» лицензии, могла рассматриваться как отдельный эпизод незаконной деятельности, сопряженной с обманом доверия клиентов, которые обращались к нему, полагаясь на государственную гарантию его квалификации.

Этическая сторона вопроса в данном случае оказывается не менее весомой, чем юридическая. Профессиональные стандарты требуют от консультанта немедленного исправления любых неточностей в представлении своих полномочий. Тот факт, что Хассан продолжал собирать средства за консультации, скрывая статус своей лицензии, указывает на сознательное манипулирование общественным доверием. Это особенно иронично для человека, который сделал карьеру на анализе механизмов обмана и сокрытия информации в группах с высоким уровнем контроля.

В дискуссиях на форуме CEI справедливо отмечалось, что для опытного специалиста невозможно «случайно» забыть о продлении лицензии, так как соответствующие советы по регистрации рассылают уведомления за несколько месяцев до истечения срока, а сам процесс требует подтверждения прохождения тридцати часов непрерывного образования, включая обязательные часы по этике и правовым аспектам. Проблема с лицензией 2016 года скорее служит индикатором более глубокого паттерна пренебрежения границами. Не так ли? Вспомним о его непосредственном участии в актах, которые с правовой точки зрения квалифицируются как похищение и незаконное лишение свободы.

Одним из наиболее мрачных пятен в его карьере является участие в попытке депрограммирования члена Церкви Объединения, закончившееся иском на двенадцать миллионов долларов. В материалах этого дела содержатся утверждения о попытках Хассана склонить свидетелей к лжесвидетельству, что демонстрирует его готовность преступать закон ради достижения своих целей, которые он сам считает оправданными.

Научная и правовая обоснованность статуса Хассана как эксперта также неоднократно подвергалась сомнению в залах суда. Суд фактически признал, что методы и теории Хассана носят спекулятивный характер, что в сочетании с его историей нарушений лицензионного режима создает портрет человека, чья деятельность находится в серой зоне между терапией и нерегулируемым социальным инжинирингом.

Этические нарушения Хассана достигли апогея в 2012 году, когда Совет по регистрации специалистов в области психического здоровья Массачусетса официально уведомил его о начале дисциплинарного производства. В центре скандала оказалось вопиющее нарушение конфиденциальности — одного из самых священных принципов психологической помощи. Хассан, используя свои платформы в социальных сетях и личный сайт «Freedom of Mind», публично раскрыл имена своих бывших клиентов в контексте судебных разбирательств, не получив на то их письменного согласия. Это действие прямо нарушало

кодексы Американской ассоциации консультантов по психическому здоровью и Американской ассоциации консультирования. Надзорный орган в своем «Приказе о явке для дачи объяснений» квалифицировал это как непрофессиональное поведение, подрывающее общественное доверие к честности профессии.

Хотя дело в конечном итоге было прекращено без ущерба для лицензии, Хассан получил строгое предупреждение, в котором совет подчеркнул его неспособность обеспечить защиту частной жизни пациентов в цифровой среде и напомнил, что ответственность за сохранение врачебной тайны всегда лежит исключительно на консультанте.

Особое беспокойство вызывает то, как Хассан обращается с персональными данными в своих публикациях. Его стремление к самопиару часто берет верх над профессиональным долгом, что приводит к публичному обсуждению интимных подробностей жизни клиентов без их разрешения. Публикация личной переписки, упоминание имен в контексте компрометирующих ситуаций и использование историй болезней для укрепления собственного авторитета — все это признаки глубоко неэтичного подхода к профессии. В штате Массачусетс подобные действия могут стать основанием для гражданских исков о вторжении в частную жизнь и нарушении конфиденциальности, однако Хассан годами балансирует на грани закона, пользуясь тем, что его жертвы зачастую слишком напуганы или эмоционально истощены, чтобы вступать с ним в открытое юридическое противостояние. Его поведение в социальных сетях, где он продолжает атаковать критиков и раскрывать детали, касающиеся частных лиц, только подтверждает его пренебрежение к профессиональным стандартам.

Финансовая сторона деятельности Хассана также вызывает серьезные подозрения в эксплуатации уязвимых людей. Его услуги депрограммирования и «консультирования по выходу» стоят десятки тысяч долларов, что зачастую приводит к полному истощению сбережений семей, находящихся в состоянии глубокого кризиса.

Существуют жалобы от клиентов, утверждающих, что Хассан взимал огромные суммы за услуги, которые не только не приносили облегчения, но и усугубляли психологическое состояние пострадавших. В отличие от традиционных психотерапевтов, работающих в рамках установленных тарифов и страховых сеток, Хассан оперирует через свою коммерческую корпорацию, что позволяет ему устанавливать произвольные расценки, мало соотносящиеся с качеством или безопасностью предлагаемых процедур. Подобная практика «выкачивания» ресурсов из людей, находящихся в состоянии эмоционального стресса, граничит с финансовым хищничеством и противоречит фундаментальному принципу «не навреди».

Особого внимания заслуживает то, как Хассан адаптирует правовые концепции под собственные нужды, одновременно игнорируя обязательные для всех правила. Его призывы к расширению юридического понятия «ненадлежащего влияния» (*undue influence*) на ситуации, не связанные с физической недееспособностью, выглядят как попытка легитимизировать свои субъективные методы оценки групп. Однако при этом он сам оказывается неспособен соблюдать базовые требования по продлению профессиональной лицензии, которые существуют именно для защиты потребителей от некомпетентности и злоупотреблений.

В штате Массачусетс несоблюдение норм лицензирования рассматривается как форма дисциплинарного проступка, которая может привести к приостановке практики или полному аннулированию права на работу. Тот факт, что Хассан продолжал называть себя «лицензированным специалистом» в период, когда закон это запрещал, является прямым нарушением доверительных отношений с клиентами, что в профессиональной среде часто считается более тяжким проступком, чем техническая ошибка в документах.

Обман доверия в сфере ментального здоровья имеет долгосрочные последствия. Клиенты, обращающиеся к «эксперту по культам», часто находятся в состоянии глубокого психологического кризиса и

повышенной уязвимости. Предоставление им услуг лицом, не имеющим на тот момент законного права практиковать, лишает их правовой защиты, которую гарантирует государство. В случае профессиональной ошибки или причинения вреда, клиент, работающий с нелегализованным специалистом, сталкивается с огромными трудностями при попытке привлечь его к ответственности через профессиональные советы или страховые компании. Таким образом, Хассан, позиционирующий себя как «защитник жертв манипуляции», сам ставит своих последователей в положение, где они лишены институциональной защиты, что является высшим проявлением лицемерия в помогающей профессии.

Постоянный характер нарушений Хассана проявляется в его отношении к дисциплинарной ответственности. Вместо того чтобы открыто признать факт истечения срока действия лицензии и приостановить практику до ее восстановления, он предпочел сохранить видимость легитимности. Это созвучно с его прошлыми обвинениями в субсидировании лжесвидетельства: в обоих случаях мы видим попытку скрыть неудобную правду ради сохранения контроля над ситуацией и поддержания имиджа.

Использование недействительной лицензии в Массачусетсе влечет за собой не только штрафы, но и занесение информации о дисциплинарном взыскании в публичный реестр, что навсегда портит репутацию специалиста. Вероятно, именно страх перед прозрачностью заставил Хассана и его окружение игнорировать критику, звучавшую на профильных форумах.

Исходя с информации сложно не прийти к выводу, что фигура Стивена Хассана должна рассматриваться не через призму его собственных книг и выступлений на телевидении, а через сухие факты его биографии, подтвержденные документами и свидетельствами коллег. История с просроченной лицензией в Массачусетсе — это лишь верхушка айсберга, симптом глубокого убеждения Хассана в том, что его «миссия» освобождает его от необходимости следовать общим правилам. Будь то насильственное удержание людей в прошлом или незаконная практика

без лицензии в настоящем, мотив остается неизменным: пренебрежение правовыми границами во имя личного влияния. Такой подход несовместим с высокими стандартами этики ментального здоровья и ставит под сомнение не только законопослушность Хассана как гражданина, но и саму основу его притязаний на роль морального и экспертного авторитета в вопросах человеческой свободы и воли. Исследование этих аспектов необходимо для того, чтобы общество могло дать объективную оценку методам человека, который, борясь с чужим контролем сознания, зачастую сам выходит за рамки закона и профессиональной чести.

Психологические последствия вмешательств Хассана для его пациентов описываются в жалобах как деструктивные и травмирующие. Вместо реабилитации и восстановления автономии личности, клиенты часто сталкивались с методами, которые другие профессионалы в этой области характеризовали как опасные и непрофессиональные. Зафиксированы случаи, когда после работы с Хассаном люди нуждались в длительной специализированной помощи для преодоления последствий самого «консультирования».

Жалобы указывают на то, что его подход, известный как «Стратегический интерактивный подход» (SIA), лишен научной валидности и надежной статистической базы, подтверждающей его эффективность. Фактически, Хассан использует пациентов как объекты для апробации своих субъективных теорий, что является грубым нарушением стандартов оказания медицинской и психологической помощи, требующих использования только проверенных и признанных научным сообществом методик.

Майкл Лангоне (Michael Langone) еще в середине 1990-х годов предупреждал, что SIA строится на манипулятивном убеждении, при котором консультант берет на себя роль вершителя судеб, решая за клиента, что для него является благом. Это лишает пациента автономии и превращает его в объект для апробации субъективных теорий Хассана. Этические нарушения здесь проявляются в скрытом характере вмешательства, когда семья пациента, часто под давлением Хассана,

начинает использовать манипулятивные техники против своего родственника, что ведет к разрушению искренних семейных связей и долгосрочным психологическим травмам.

Современные жертвы методов Хассана, такие как Брайан Бирмингем (Brian Birmingham), описывают последствия его «терапии» как попадание в новый тип зависимости. В своем эссе «Человек в пузыре» («The Man in the Bubble: Steven Hassan and the Cult of Trump») Бирмингем утверждает, что Хассан фактически создает вокруг своих клиентов замкнутую идеологическую систему, которая сопоставима с культовым лидерством, только в роли гуру выступает сам Хассан.

Клиенты начинают видеть мир исключительно сквозь призму модели BITE, что приводит к паранойе и социальной изоляции. Бирмингем и другие бывшие пациенты, чьи истории зафиксированы на ресурсах вроде StopBadTherapy, подчеркивают, что после работы с Хассаном им требовалась длительная реабилитация для преодоления последствий самого консультирования, которое сопровождалось навязыванием агрессивных стратегий поведения, например, принуждением к написанию гневных писем близким.

Структура бизнеса Хассана, представленная как «Freedom of Mind Resource Center», зарегистрирована как коммерческая организация, что само по себе не является преступлением, но в контексте психологической помощи накладывает особые обязательства по прозрачности. Деятельность Хассана характеризуется закрытостью в вопросах отчетности о результатах и методах работы. Отсутствие независимого контроля за его «консультациями по выходу» создает серую зону, где закон и этика оказываются на втором плане после личных амбиций владельца.

Многие критики справедливо указывают на то, что Хассан создал вокруг себя ореол неприкасаемости, используя свой статус «бывшей жертвы культа» как щит против любых законных требований и проверок. Такая стратегия позволяет ему избегать ответственности за ошибки и нарушения, которые для любого другого лицензированного специалиста

обернулись бы немедленным лишением права на практику. Финансовая эксплуатация уязвимых семей и нанесение психологических травм под видом помощи делают его деятельность не просто сомнительной, но и потенциально опасной для общества.

Пренебрежение Хассана к лицензионным советам, судебным решениям и этическим кодексам свидетельствует о человеке, который считает себя выше установленных правил игры, что в конечном итоге превращает его работу в форму частного правосудия, не имеющего ничего общего с подлинной заботой о ментальном здоровье человека. В правовом государстве такая практика требует не восхищения, а тщательного расследования и адекватной правовой оценки со стороны государственных органов и профессиональных сообществ.

Развитие сферы антикультизма в современном социальном пространстве представляет собой далеко не научную или гуманитарную реакцию на новые религиозные движения, а жестокую форму социальной инженерии, выросшую из глубоких личных проблем и маркетингового оппортунизма. Фигура Стивена Хассана в этом контексте является наиболее репрезентативной, выступая в роли своеобразного «оборотня» — человека, который не преодолел опыт собственного подчинения, а трансформировал его в инструмент власти. Его карьера зиждется не на фундаменте нейтрального академического поиска, а на почве «биографической раны», ставшей источником неутолимого мессианского комплекса.

Хассан стал палачом эпохи постмодерна, использующим псевдонаучную терминологию для легитимации практик, граничащих с преступлениями против личности. Темные страницы его биографии, которые он годами пытается заретушировать, раскрывают истинную природу его методов. Политический радикализм Хассана, проявившийся в полной мере в 2019 году, обнажил скрытые амбиции социального диктатора. Его заявления о необходимости «депрограммирования всего населения США» и призывы к принудительному психиатрическому освидетельствованию кандидатов в президенты свидетельствуют о

переходе от индивидуальной инквизиции к массовой. Это логическое завершение пути антикультиста: когда частный бизнес на разрушении семей достигает пика, он неизбежно стремится к захвату государственной машины для проведения идеологических чисток.

Использование психиатрии как инструмента политического подавления — метод, хорошо знакомый по тоталитарным режимам XX века, — находит в лице Хассана своего современного апологета, прикрывающегося заботой о «когнитивной безопасности». Глубокие идеологические корни антикультизма уходят в почву, далекую от гуманизма. В европейском контексте риторика борьбы за «духовную чистоту» и защиты населения от «чужеродных влияний» пугающе созвучна нацистским концепциям расовой чистоты, перенесенным в сферу религии. Современное антикультовое логово, включающее таких фигур, как Александр Дворкин в России или Стивена Хассана на Западе, создало глобальную сеть влияния. Это союзы не по убеждениям, а по методам: захват медиаресурсов для дискредитации любых групп, выходящих за рамки контролируемого мейнстрима.

Психологический портрет типичного антикультиста, и Хассана, в частности, открывает перед нами фигуру человека с глубоким внутренним надломом. Существует устойчивый тезис о том, что наиболее радикальные борцы с «культами» сами являются людьми с тяжелым прошлым — бывшими наркозависимыми, насильниками или участниками радикальных движений, которые не смогли интегрировать свой негативный опыт. Вместо исцеления они выбирают путь проекции своей внутренней тени на окружающий мир. Для Хассана борьба с «ненадлежащим влиянием» — это способ бесконечной ретравматизации и одновременно попытка удержать контроль над реальностью, который он однажды потерял. Такие «эксперты» используют медиа не для просвещения, а для захвата символической власти, удовлетворяя свои авторитарные наклонности под маской помощи.

За порогом этого анализа открывается еще более глубокая и мрачная бездна, требующая не просто академического интереса, но

полномасштабного расследования всех дел, к которым прикасалась рука современных депрограммистов. Если мы признаем, что биография Хассана — это не путь исцеления, а хроника затянувшейся мести миру, то какие еще тени скрываются в архивах его деятельности? Кто на самом деле окружает этих «спасителей»? Когда мы всматриваемся в круг лиц, поддерживающих антикультовую риторику, мы обнаруживаем людей, чьи методы и прошлое пропитаны насилием и склонностью к подавлению чужой воли. Если это окружение годами занималось тем, что расшатывало демократические устои целых стран под предлогом борьбы за «ментальную гигиену», то каков истинный масштаб их «грязных» дел, оставшихся вне поля зрения правосудия?

Уже не осталось сомнений в том, что современное общество стоит перед вызовом. Пришло время официально признать антикультизм формой организованной нетерпимости, новым типом инквизиции, которая прячется под психологическую помощь, чтобы беспрепятственно разрушать человеческие судьбы. Защита свободы убеждений — это не пассивная позиция, а ежедневный труд по отстаиванию права каждого человека на свой собственный, пусть даже непонятный другим, путь. Мы должны задать себе главный вопрос: готовы ли мы доверить ключи от своего разума тем, кто сам так и не смог обрести внутренний мир? Ответ на этот вопрос определит, останется ли наше общество пространством свободы или превратится в глобальную палату, где любой выход за рамки «нормы» будет караться стиранием личности под аплодисменты толпы.

Источники

1. American Psychological Association, Board of Social and Ethical Responsibility for Psychology. (1987, May 11). Memorandum. CESNUR. <https://www.cesnur.org/testi/APA.htm>
2. Barker, E. (1984). The making of a Moonie: Choice or brainwashing? Blackwell.
3. Beyer, T. Writers of the Third Wave. Russians in America: The Third Wave. <https://community.middlebury.edu/~beyer/ratw/writers.htm>
4. Bitter Winter. (2026, March 9). The truth, please, about Steven Hassan. 3. Is he really an "expert"? <https://bitterwinter.org/the-truth-please-about-steven-hassan-3-is-he-really-an-expert/>
5. Birmingham, B. The man in the bubble [PDF]. Scribd. <https://ru.scribd.com/document/678043007/Brian-Birmingham-The-Man-in-the-Bubble>
6. Cult Education Institute. (2013, May). Disclaimer regarding Steve Hassan. <https://www.culteducation.com/group/1289-general-information/8227-disclaimer-regarding-steve-hassan.html>
7. Cult News. (2017, March 8). Serious complaints about cult specialist Steven Hassan. <https://cultnews.com/2017/03/serious-complaints-about-cult-specialist-steven-hassan/>
8. Dawson, L. L. (2006). Comprehending cults: The sociology of new religious movements (2nd ed.). Oxford University Press.
9. Dvorkin, A. L. Dvorkin EN: Destructive cults and human rights. FECRIS. <https://www.fecris.org/uncategorized/dvorkin-en/>
10. Exposing anti-cult terrorism. (2024, December 20). Deprogramming: Ted Patrick: Kidnapping and history of violent deprogramming. Act Files. <https://actfiles.org/deprogramming/>

11. FECRIS. (2015, May 30). Alexander L. Dvorkin.
<https://www.fecris.org/uncategorized/alexander-l-dvorkin/>
12. Fielding Graduate University. (2026, March 25). ISI Fellow Steven Hassan and the fight against undue influence. <https://www.fielding.edu/isi-fellow-steven-hassan-and-the-fight-against-undue-influence/>
13. Freedom of Mind Resource Center. Frequently asked questions (FAQ). <https://freedomofmind.com/resource-links/frequently-asked-questions-faq/>
14. Hassan, S. Chapter 2: My life in the Unification Church. In *Combating cult mind control* (pp. 48–77). Freedom of Mind Resource Center.
<https://freedomofmind.com/wp-content/uploads/2019/12/ccmc-ch-2.pdf>
15. Hassan, S. (2019). *The cult of Trump: A leading cult expert explains how the president uses mind control*. Free Press.
16. Hassan, S. A. (2024, February). Curriculum vitae.
<http://www.pipatl.org/cv/CV%20Hassan%20FEBRUARY%202024%20.pdf>
17. Hassan, S. (2025, May 11). 49 years free from the Moonies! Substack.
<https://stevenhassan.substack.com/p/49-years-free-from-the-moonies>
18. Hinkle, L. E., Jr., & Wolff, H. G. (1956). *Communist interrogation and indoctrination of "enemies of the state": Analysis of methods used by the Communist state police*. Central Intelligence Agency.
<https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP65-00756R000400020008-8.pdf>
19. International Cultic Studies Association. (2025, June 27). Recommended books. <https://internationalculticstudies.org/recommended-books/>
20. Introvigne, M. (2021, September 30). *Brainwashing theories: The myth and the history of "mind control"*. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/brainwashing-theories-the-myth-and-the-history-of-mind-control/>
21. Introvigne, M. (2026). Steven Hassan and the "BITE Model": Science or pseudoscience? *The Journal of CESNUR*, 10(2), 86–101. chrome-

extension://efaidnbmnnnibpcajpcgltclefindmkaj/https://cesnur.net/wp-content/uploads/2026/03/tjoc_10_2_2_introvigne.pdf

22. Introvigne, M. (2026, March 5). The truth, please, about Steven Hassan.

1. The "BITE Model" as pseudoscience. Bitter Winter.

<https://bitterwinter.org/the-truth-please-about-steven-hassan-1-the-bite-model-as-pseudoscience/>

23. Mayer, J.-F. (2003, January 19). From deprogramming to strategic interaction: Interview with Steven Alan Hassan. Religioscope.

<https://english.religion.info/2003/01/19/from-deprogramming-to-strategic-interaction-interview-with-steven-alan-hassan/>

24. Ranbom, S. (1982, November 3). The shadowy empires that beckon the young. Education Week. <https://www.edweek.org/education/the-shadowy-empires-that-beckon-the-young/1982/11>

25. rdaluz. (2024, August 1). How the Moonies successfully recruited Steven Hassan [Online forum post]. Reddit.

https://www.reddit.com/r/cults/comments/1ehp2ma/how_the_moonies_successfully_recruited_steven/

26. Rosenberg, L. Lina Rosenberg — Aunt. Aureet Bar-Yam Memorial Archive. <http://bar-yam.org/aureet/Reflections/Relatives/linaRosenberg.html>

27. Saner, E. (2012, September 3). I was a Moonie cult leader. The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/03/moonie-cult-leader>

28. Schein, E. H., Schneier, I., & Barker, C. H. (1961). Coercive persuasion: A socio-psychological analysis of the "brainwashing" of American civilian prisoners by the Chinese Communists. W. W. Norton.

29. Shupe, A. D., & Darnell, S. E. (2000, October 21). CAN, we hardly knew ye: Sex, drugs, deprogrammers' kickbacks, and corporate crime in the (old) Cult Awareness Network. CESNUR. <https://www.cesnur.org/2001/CAN.htm>

30. Shupe, A. D., & Darnell, S. E. (2024, June 25). CAN: Anti-cultists, deprogramming, and crime. 7. Sexual abuse as a deprogramming tool. Bitter

Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-7-sexual-abuse-as-a-deprogramming-tool/>

31. STAND League. Steven Hassan. <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/steven-hassan.html>

32. United States v. Fishman, 743 F. Supp. 713 (N.D. Cal. 1990).
<https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/743/713/2593631/>

33. Wikipedia. QAnon. <https://ru.wikipedia.org/wiki/QAnon>

34. Wikipedia. Cult Awareness Network.
https://en.wikipedia.org/wiki/Cult_Awareness_Network

35. Wright, S. A. (2009). Reframing religious violence after 9/11: Analysis of the ACM campaign to exploit the threat of terrorism. *Nova Religio*, 12(4), 5–27. <https://online.ucpress.edu/nr/article-abstract/12/4/5/70176/Reframing-Religious-Violence-after-9-11-Analysis?redirectedFrom=fulltext>

36. Zablocki, B. (1997). The blacklisting of a concept: The strange history of the brainwashing conjecture in the sociology of religion. *Nova Religio*, 1(1), 96–121. <https://online.ucpress.edu/nr/article-abstract/1/1/96/66615/THE-BLACKLISTING-OF-A-CONCEPT-THE-STRANGE-HISTORY?redirectedFrom=fulltext>

37. Дворкин, А. Л. (2024). Моя Америка.

38. Ровнер, А. Б. (1980). Калалацы. Open Library.